

Александр Кичигин

*Счастлиное
время
романтиков*

СССР.
Москва.
Общезитие.

Александр Кичигин

Счастливое время романтиков

«Автор»

2026

Кичигин А. В.

Счастливое время романтиков / А. В. Кичигин — «Автор», 2026

Эта книга о таких вечных человеческих ценностях, как любовь и дружба, о жизни и чаяниях советских студентов последних лет, так называемой, «Эпохи застоя». Были ли они действительно мрачными и «застойными»? Насколько счастливыми чувствовали себя тогда молодые люди? Чем они отличались от нынешних? Как жили и к чему стремились наши матери и отцы? На эти и другие вопросы автор не дает прямого ответа, предлагая сделать это самим читателям.

© Кичигин А. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

1. Санин сжигает любовные письма	6
2. Абитуриенты	8
4. Дворовый гитарист	15
5. Как нужно лечить похмелье	19
6. Учебка	25
7. Привет, Чехословакия!	32
8. Юра Шулаков, Люба из Калинина и другие	36
9. Вступительные экзамены	42
10. Модный приговор в стиле семидесятых	49
11. Каверин, Мельников, Панков, Ермаков, Уколов и другие	53
12. Шулаков, Леонов и бассейн «Москва»	58
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Александр Кичигин

Счастливое время романтиков

Моей горячо любимой жене и всем советским студентам начала восьмидесятых посвящается

1. Санин сжигает любовные письма

Апрель 1986 года в Чехословакии скорее напоминал российский май, когда деревья почти полностью покрылись зеленью, радостно щебетала пестрая летающая живность, а яркое солнце согревало не только ухоженную забугорную землю, но и сердца солдат ограниченного контингента советских войск, особенно тех, кто покидал эту гостеприимную страну по окончании срочной службы.

В штабном здании одной из таких воинских частей, напоминающем скорее средневековый замок, сержант Артем Санин в специальной топке для уничтожения секретной документации сжигал личные письма. Их было невероятно много – заполненный почти наполовину огромный бумажный мешок. Периодически, прежде чем бросить очередную пачку в огонь, он медленно раскрывал случайный пакет, не без грусти читал отдельные строки, после чего расстроенно бросал письмо в печку. Впрочем, по его лицу было видно, что, не смотря на очевидное расстройство по этому поводу, фатальной грусти он не испытывал, ибо впереди жизнь обещала нечто большее, чем эти драгоценные строки.

– И не жалко? – неожиданно услышал Санин за спиной чей-то знакомый голос.

– Переживу, – грустно отреагировал он, узнавая друга по штабной работе – писаря секретной части Литовченко Вову, – скоро ведь вживую увидимся.

– Завидую чистой завистью. Сразу видно – девушка достойная. Каждый день писала!

– Я тоже каждый день. Вот и приходится долго уничтожать. И все же ты прав, дружище, – жаль, что уже больше никогда не прочитаю... И какой козел запретил личную переписку с собой на дембель забирать? Наверняка кто-то из вашей братии – «секретчиков»! А что в них секретного?

– Ну, брат, тут ты не прав, – обиженно засопел Литовченко, – откуда известно, что в каком-нибудь из конвертиков секретная бумажка не завалилась? Тебе через государственную границу лететь, контроль проходить. Или, думаешь, у погранцов время есть на чтение твоего любовного романа? Да и зачем он нужен, если конец счастливый? Вот у меня другое дело. Моя первые полгода такие письма писала, что вся рота от умиления рыдала, а потом бросила как пса подзаборного. Теперь и возвращаться не хочется...

– Потому и решил прапором остаться?

– А что плохого? Не старшиной же роты – начальником склада! – Вова многозначительно поднял вверх указательный палец.

– И как тебе удалось? Остальных же завернули... – усмехнулся Санин.

– Вызвали нас всех под густые седые брови какого-то служаки-маразматика, он и начал вопросы каверзные каждому закидывать. Кому что. Одного спрашивает: «Сынок, небось, в армии лучше кормят, чем у мамы?» Солдат, конечно, подвоха не понял, побоялся службу хаять, ну и ляпнул: «Так точно, тащ полковник!» «Брехун, – махнул тот рукой, – нашей доблестной армии такие ни к чему». И следующего, мотострелка: «Тяжело служить, солдат, в пехоте?» «Тяжеловато, тащ полковник», – начистоту отвечает тот. «Что, не научился стойко переносить тяготы армейской службы? Хлюпики нам не нужны – отставить!» Следующего спрашивает: «Кем будешь?» «Начальником столовой». «Вам бы только поближе к кухне да к складу – вон отсюда!» «А ты, сынок, долго собираешься служить?» «Согласно контракту – пять лет!» «Временщиков тут и так хватает – вон пошел!» И идет так по цепочке, всех словно пашкой рубит, хотя нас до этого чуть ли не на коленях уговаривали в прапора податься... А я стою последним в шеренге и вовсе не знаю что плести – и на начальника склада учился, и всего на один срок подписывался... Да мало ли что еще ему в голову спросить придет?! К счастью, пока до меня очередь дошла, вопросы повторяться начали – вояка все же, не профессор какой-нибудь. «Сколько собираешься служить, бравый ефрейтор?» Набрал я полные легкие воздуха,

изобразил на лице небывалую доблесть и выпалил так, что сам испугался: «Служить буду до конца! – а мысленно добавил, – контракта...» «Наш человек!» – обрадовался полковник, и меня оставили.

– Ловкий ты парень, Вова, – усмехнулся Артем, – далеко пойдешь, как у нас в институте о таких предприимчивых студентах говорили.

– Почему предприимчивых? – сделал вид, что обиделся, Литовченко. – Находчивых!

– Ну, или так, – согласился Санин.

– Я вот тебя не понимаю: институт столичный имеешь, специальность подходящая – инженер сферы услуг, курсы офицерские закончил, а от заманчивого предложения начальника прачечной отказался! Капитанская должность!

– Армия – это не мое, Вова. Я человек сугубо мирный, гражданский.

– Да какая армия! – еще больше кипятился Литовченко. – Сидел бы себе на простынях да портянках, командовал офицерскими женами-прачками и двойной оклад получал лет пять до замены. Мне бы так жить! Тем более что в подчинении техник-прапорщик, сержант и четыре солдата. Можно вообще на территорию части заходить только на общий развод, да еще когда начальник штаба с тобой, любимчиком, за бутылкой муляки¹ посидеть захочет, чтобы ты потом его до дома дотащил... Что ни говори, а портят институты хлопцев. Вот, если бы ты сразу после школы в армию пошел...

И Санин под немного потрескивающий и успокаивающий огонь своеобразного камина невольно начал вспоминать события семилетней давности, когда впервые прибыл из маленького провинциального городка в столицу – этот новый для него чужой огромный мир радужных надежд и соблазнов.

¹ Муляка – так военнослужащие называли в Чехословакии недорогое плодоягодное вино местного производства (здесь и далее примечания автора).

2. Абитуриенты

Поезд прибыл в Москву ранним июльским утром 1979 года, и вид уже самого вокзала привел провинциального молодого человека в неописуемый восторг. До этого он уже бывал в столице на свадьбе сестры Веры, тогда еще студентки, а теперь являющейся полноправной москвичкой. Соответственно присмотр за младшим братом теперь полностью ложился на ее плечи и начинался прямо с перрона Курского вокзала, куда ее покладистый муж Олег прибыл к приходу поезда. Его помощь заключалась не столько в работе грузчика при переноске тяжелых сумок с традиционными деревенскими соленьями, сколько в опасении, что провинциальный младший брат рискует легко заблудиться в непривычных просторах цивилизации.

Искренне обрадовавшись приезду родственника, Олег привычно взвалил на себя неподъемный рюкзак, подхватил сумки, оставив Артема чуть ли не с пустыми руками, и с ловкой поспешностью, свойственной исключительно столичным жителям, рванул на привокзальную площадь в поисках такси. При этом на настойчивые предложения парня поделить ношу хотя бы поровну, отвечал, как понял впоследствии Артем, одой из своих любимых фраз работника торговли, коим являлся, «своя ноша не тянет».

Сестра Вера, хотя и славилась непростым, порой даже тяжелым характером, по натуре была очень заботливой до навязчивости хозяйкой, поэтому встретила брата приветливо, при этом сразу давая понять, что ни на какие вольности свободной и независимой жизни под ее присмотром рассчитывать он не сможет. Чуть ли не насильно накормила вкусным завтраком, поселила в отдельной комнате, разложила вещи и долго вводила в курс дела по поводу проживания в столице, городе соблазнов и опасных для провинциальных жителей непредвиденных ситуаций.

– На время поступления жить у меня будешь, – голосом, не допускающим возражений, тут же заявила она, лишь для порядка поставив в известность мужа, – правда, Олег?

– Конечно, – охотно согласился тот.

– Мне говорили, что в институте предоставят место в общежитии, – несмело возразил Артем.

– Знаю я эти общежития, – возразила Вера, – за один день курить и по девкам бегать научат! А кормиться? У меня будешь как кот на молокозаводе. Вот когда поступишь – тогда и будет тебе общежитие. Когда документы сдать нужно?

– Завтра.

– Вместе поедем.

– Ну, уж нет! – решительно возразил Артем. – Еще маменьким сынком прослыть не хватало!

– Ну, хорошо, только жить все равно у меня будешь на время экзаменов, хотя от общежития не отказывайся – будет хоть вещи где сложить.

Московский инженерно-технологический институт, куда Санин собирался поступать располагался не в самой столице, но и не так далеко за ее пределами. Тщательно проинструктированный сестрой, кое-как добравшись на метро до Ярославского вокзала и найдя нужную электричку, уже минут через сорок он вышел на доселе незнакомой платформе «Масловская». По скрупулёзному плану, предоставленному Верой, также без труда минут за пятнадцать добрался до главного корпуса института.

Приятно поразило то, что институт располагался в одном из самых живописных мест Подмосковья – поселке Масловка. Окруженные почти со всех сторон хвойным лесным массивом симпатичные частные домики и просто дачи чем-то отдаленно напоминали родной провинциальный городок, а пересекающая его не очень широкая, но вполне пригодная для купа-

ния река Клязьма так дополняла царящий вокруг уют и умиротворение, что, казалось, только ради этого стоило учиться в этом вузе. Наверное, поэтому по дороге к институту Санину попадались лишь счастливые лица студентов (или абитуриентов), и он шел и также непринужденно улыбался, словно в душе уже присоединился к этому необычному молодому братству, о чем в ту пору мечтал почти каждый молодой человек.

Когда при сдаче документов Санина спросили, нуждается ли он на время вступительных экзаменов в общежитии, он поспешил утвердительно кивнуть головой и, зажав в руке крохотную бумажку, именуемую новым для него словом «ордер», сразу же направился разыскивать общежитие под номером 4, где ему без каких-либо проволочек было выделено койко-место.

Язык, как водится, довел его до небольшого трехэтажного кирпичного здания, сидевшая на вахте которого бабушка со строгим лицом, изучив официальную бумажку с печатью, отправила по коридору налево в комнату № 8 на первом этаже. При этом она не забыла наскоро озвучить нехитрые правила проживания, из которых запомнились лишь самые важные: не пить, не курить, посторонних не водить и главное – вовремя возвращаться на ночлег. В противном случае грозило не только выселение, но и отчисление из института, куда Санин только собирался поступать. Все эти ограничения, как выяснилось позже, имели лишь декларативный характер, ибо управиться с бесшабашной многочисленной абитуриентской шайкой под силу было разве что взводу десантников либо паре подобных бабушек-вахтерш с мокрыми тряпками. Впрочем, первых поблизости не наблюдалось, а бабушки-вахтерши не смотря на внешнюю суровость, в глубине души, конечно же, всегда оставались сердобольными и покладистыми, как бы не вели себя в общежитии их неразумные чада.

Вежливо постучав в обшарпанную деревянную дверь вышеназванной комнаты, Санин не услышал разрешения войти, а потому попытался сделать это громче, отчего дверь, не выдержав даже легкого толчка, распахнулась самостоятельно, раскрыв взору незадачливого абитуриента весьма необычную картину. Он ведь ожидал увидеть пару-тройку озабоченных повторением полученных в школе знаний таких же абитуриентов, готовящихся к поступлению, а вместо этого удивленно узрел целую толпу молодых людей разного пола, которые занимались чем угодно, но только не вгрызанием в гранит науки. Эта многочисленная разношерстная бесшабашная публика, занимая все столы, стулья и даже кровати, которых Санин насчитал всего четыре, галдели так громко, что ничего удивительного в том, что никто не услышал его стука, не было. Как позже Артем понял, стучать в дверь комнаты №8 считалось дурным тоном и, чтобы попасть внутрь, достаточно было слегка толкнуть ее рукой или ногой – замок закрывался только на ночь. Он вообще удивился, что его, хоть и не сразу, но заметили, мало-помалу прекратили разговоры, после чего без тени удивления, а скорее доброжелательно, поинтересовались целью визита.

– Да вот, ордер мне сюда дали... – растерянно пролепетал Артем.

– Дали – значит, будешь жить, – после непродолжительной паузы, успокоил его рыжий симпатичный парень славянской наружности с едва заметным южным акцентом.

– Хм... А где моя кровать? – продолжал удивляться Артем, понимая, что в этой обстановке даже сидячее место было обнаружить проблематично.

– Кровать? – в свою очередь растерялся рыжий, безнадежно почесывая затылок. – Кровать найдется... Да вот хотя бы эта! Со мной спать будешь. Не возражаешь?

Санину ничего не оставалось делать, как согласиться.

– Бросай вещи сюда в уголок и живи на здоровье! Как звать-то?

– Артем. Только вещей у меня с собой нет пока.

– А я Георгий, можно просто Жора. Из Алма-Аты. Сам-то откуда будешь?

– Из-под Курска. Город Миловежск, слышали о таком?

– Теперь считай, что да. А это Боря и Миша из Цхинвала, Гиа из Тбилиси, Виген из Богдановки, – начал представлять присутствующих общительный Георгий, – Сережа из Крас-

нодара, Саша и Илья из Мытищ. Ну, а девчонки сами о себе расскажут, если захотят. Я тут только одну вижу, – направив слащаво-влюбленный взгляд на абитуриентку, сидевшую на его, а теперь, как выяснилось, еще и на Саниной кровати, закончил представление присутствующих Жора, – вот жениться на ней хочу, а она не верит...

– Так уж сразу и жениться! – недоверчиво возразила девушка, закуривая длинную тонкую сигарету, и, обращаясь к Санину, при этом довольно бесцеремонно разглядывая его, поспешила представиться, – меня Любой зовут, я из Калинина.

– Очень приятно, – вежливо отреагировал Артем.

Все присутствующие ребята поспешили встать со своих мест для рукопожатий, уже самостоятельно представившись по имени, а девушки кто просто обозначив себя кивком головы, кто, приветливо помахав кистью, назвались Леной, Валец, Вероникой и Ларисой, после чего Гиа обратился к Санину с предложением вечером поучаствовать в скромном пикнике на берегу Клязьмы.

– Шашлычка приготовим, немного вина выпьем, споем у костра, – обозначил он программу уикенда, – присоединяйся! У нас все уже готово.

– А и вправду, Артем, присоединяйся, – послышалось со всех сторон, – или есть иные планы на вечер?

– Сестра у меня в Москве, – почесал затылок Санин, – обещал устроиться в общежитии и вернуться сегодня. Хотя, конечно, хотелось бы с вами остаться.

– Вот и славненько! – поддержал Жора, а Люба утопила оставшуюся нерешительность последней каплей:

– Ты ведь взрослый мальчик уже!

– Хорошо, – с радостью поддавшись первому соблазну самостоятельной жизни, согласился Санин, – только за вещами в Москву заеду, а то у меня кроме документов ничего с собой и нет.

– Успеешь к вечеру вернуться?

– Полтора часа туда, полтора обратно, полчаса на сборы. Не поздно будет?

– В самый раз, – успокоил Жора, – если не трудно, сигарет нормальных из Москвы привези, а то тут одна отравка продается. Если куришь, конечно.

– Курю, – почему-то соврал Санин, решив до конца казаться взрослым.

– Ну и славненько. Спиртное не бери – у нас этого добра запасено с достатком.

Удобно устроившись в электричке, Санин всю дорогу находился в какой-то незнакомой доселе эйфории, словно только сейчас по-настоящему почувствовал себя взрослым. Будучи до последнего момента на редкость опекаемым ребенком, подсознательно он давно ждал того момента, когда наконец-то сможет войти во взрослую жизнь и самостоятельно принимать решения относительно своей избалованной натуры, до конца не понимая, что порой это станет ой как непросто! При этом где-то в груди неприятно сверлила лишь одна тягостная мысль, а, вдруг, он не сможет поступить в институт?! И тогда несмываемый позор, возврат в провинцию – и прощай сладостная студенческая жизнь! Будучи человеком достаточно амбициозным и в тоже время крайне ранимым, тогда он даже представить себе не мог как жить, если обстоятельства сложатся по-иному. Кроме этого в случае провала в совсем недалеком будущем маячил призыв в ряды вооруженных сил, где мальчишка себя пока не представлял, напуганный рассказами старших товарищей, прошедших эту суровую школу полную небывалых лишений и всяческого отсутствия комфорта, расставаться с которым в ближайшее время в его планы не входило.

3. Пикник на берегу реки

– Мне бы в ваш институт хотя бы на недельку! – не раз завистливо предавался мечтам Литовченко. – Сколько, говоришь, девчонок училось в процентном отношении? Восемьдесят?

– Ну, примерно так... А из ребят половина Кавказ и средняя Азия.

– Ну, этого добра и у нас в части хватает... – пренебрежительно реагировал он.

– Зря ты так, – возражал Санин, – не было у нас деления ни по национальностям, ни по месту рождения, ни по достатку. Жили одной дружной семьей и армяне, и грузины, и осетины, и белорусы, и украинцы, и евреи. И никому в голову даже не приходило, что кто-то из-за этого ниже тебя по положению! Негодяев только не жаловали, да и немного было таких.

– Конечно, там же все ученые, не то, что здесь! – делал умозаключения Вова. – А тут, что не нацмены, то обязательно своя обособленная банда – попробуй тронь! Одни мы русские да украинцы каждый сам по себе...

– Условия здесь другие, более суровые, – предполагал Санин, – армия это тебе не вольная и бесшабашная студенческая жизнь. Но лично я никакого притеснения национальностей и здесь не наблюдаю. Помнишь, пилотка у меня пропала, которую я с таким трудом по своему размеру подобрал?

– Которую потом на чеченце из другой роты увидел?

– Ну, да. Попросил показать ее изнутри, где фамилия написана, чтобы убедиться, а он убежал. Стоило мне об этом другому чеченцу рассказать, как тут же их замкомвзвод, тоже чеченец, кстати, привел вора ко мне для опознания, убедились, что я прав, вернули, извинились и пообещали сами с ним разобраться. Да так, видимо, разобрались, что он потом меня за версту обходил!

– А у меня тоже случай был в первом полугодии службы, – вспоминал Литовченко, – я тогда во взводе связи служил. Пришел после наряда как-то под утро, а матраса нет! Командир отделения строгий у нас был, казах по национальности, Амирбеком звали, но ничего не поделаешь, пришлось докладывать. Ищи, говорит, где хочешь, или покупать будешь! Походил, поспрашивал – никто ничего... Расстроился, конечно. А на следующий день Зовет меня Амирбек в каптёрку. Завел и дверь на ключ закрыл. А там почти все наше отделение. «Нашелся твой матрас, – говорит, – и вор тоже» «И кто же?» – спрашиваю. А в отделении у нас еще один казах служил. «Земляк мой, – вздыхает Амирбек, указывая на того казаха, – утащил в комнату засекреченной связи, чтобы спать в наряде было удобней. Думал, не узнает никто, раз туда обычным связистам вход запрещен. Короче, можешь избить его прямо сейчас, а мы проследим, чтобы он не сопротивлялся». А тот глаза опустил толи от стыда, толи приготовился к оплеухе. «Не могу я бить того, кто ответить не может», – говорю. С тем и разошлись. А ночью будит меня этот казах и зовет куда-то. «Пойдем, – говорит, – у меня колбаска копченая припрятана. Тебя, дорогой, угощу – мне не жалко!» «Ну и крыса же ты, – разозлился я тогда по-настоящему, – вот сейчас точно грунта² получишь!» Вскочил с кровати, а он бежать. Гадкий и жалкий такой, что не стал я мारаться... Так что, может, ты и прав по части того, что подлецы не имеют национальности.

– Я в этом никогда не сомневался.

– А свадьбу наверняка в институте справлять будешь? – возвращаясь к более приятной теме, спросил Литовченко. – Я бы тоже хотел приехать.

– Не знаю, хотя за полтора года об этом немало помечтать пришлось.

– Да кто меня теперь отпустит – пять лет контракта безвылазно. Разве что в отпуск просто так в гости получится приехать. А ты передай мой адресок какой-нибудь подруге ее, может и спишемся. Если у вас там столько девок учится, наверняка парни в дефиците...

Собираясь к сестре, Санин, конечно, заранее знал, что Вера будет на работе, а потому, собрав по-быстрому кое-что из вещей, долго не засиживался, а, накатав убедительную записку, якобы завтра с утра ему необходимо присутствовать на каких-то вводных занятиях (которые

² Грунт - так в части было принято называть удар кулаком в грудь провинившегося солдата.

действительно имели место, только неизвестно когда), снова рванул на Ярославский вокзал. Уже там вспомнил про сигареты, однако, будучи некурящим и непьющим пай-мальчиком, в марках сигарет, естественно, не разбирался. «Куплю, что подороже», – легкомысленно рассудил Артем и решительно направился к табачному киоску, коих в округе было больше чем достаточно.

Но решить эту как бы простую задачу оказалось не так-то просто. Выбор табачной продукции был огромен, но цена сигарет с фильтром не сильно отличалась и варьировалась от 30 до 50 копеек, и какие выбрать Санин долго не мог понять. У новых друзей он не спросил по причине того, что назвался курящим, а у продавца и вовсе не хотелось выглядеть школьником, который только решил начать курить – еще пошлет куда подальше! Был, правда, еще один верный, как казалось Артему, выход – все пачки кардинально различались по дизайну от белых и невзрачных до расписных, словно были нарисованы кистью достойных мастеров. По этому принципу он и решил осуществить свой выбор. Курящих в семье Саниных не водилось, разве что сестра Вера, но об этом он узнал позже, а потому не удостоив внимания ряд невзрачных пачек с простыми названиями «Ява», «Столичные», «Пегас», «Космос», он, вдруг, с восхищением остановился на явно импортных сигаретах с изображением индейца «Caribe»³ и, не раздумывая боле, купил две. На выбор, несомненно, повлияли Джеймс Фенимор Купер и Майн Рид⁴, книгами которых он зачитывался, а еще больше ГДРовские фильмы о мужественных и справедливых индейцах, борющихся за свою независимость.

До электрички оставалось минут тридцать, и Санин решил, не откладывая в долгий ящик, тут же и опробовать вкус приобретенного товара «для взрослых», а заодно и выяснить в чем же прелесть этой гадкой привычки, от которой по известным причинам до этого сумели уберечь его родители. Найдя укромный уголок с тыльной стороны вокзала, словно боясь быть кем-то уличенным в постыдном деянии, Артем распечатал пачку, достал приятно пахнущую сигарету и с воодушевлением закурил.

Эффект оказался более чем неожиданным. Мало того, что противно до тошноты защемило горло и легкие, у него вдруг закружилась голова, а после третьей затяжки напрочь пропала координация. Хорошо, что рядом оказалась лавочка, на которую он успел тяжело плюхнуться и, жадно глотая воздух, только минут через пять пришел в себя. «Ну и гадость это ваше курение!» – почему-то вслух произнес Санин, выбрасывая недокуренную сигарету на асфальт, на котором этого добра уже валялось предостаточно.

Когда Санин наконец-то оказался в комнате общежития, его новые друзья заканчивали последние приготовления к пикнику, пакуя продукты в большие дорожные сумки, в которых наверняка привезли сюда одежду и учебники. Понимая, что все это куплено абитуриентами за деньги, Артем настойчиво потребовал принять в общий котел и его долю, на что последовал категорический отказ со стороны кавказцев, а Жора, успевший утвердиться в глазах Санина как непререкаемый авторитет, безапелляционно шепнул ему:

– Не парься, старик, все нормально. Кстати, ты сигарет купил?

– Да, конечно, вот они.

– М...да, – растерянно покачал головой Жора, – а говорил, что куришь... Других не было что ли?

– Если не куришь, не начинай, слюшай! – вмешался Виген, который, как выяснилось позже, несмотря на то, что на целых два года был старше Санина, этой дурной привычки не имел.

³ «Caribe» - марка крепких кубинских сигарет.

⁴ Джеймс Фенимор Купер, Майн Рид - популярные американские романисты, описывающие жизнь и приключения индейцев и переселенцев на Диком Западе в 18 – 19 веках.

– Что вы к мальчику пристали, – второй раз за день поддержала Артема Люба, – куришь, не куришь! Он у себя дома, может, кубинских сигарет и в глаза не видел, вот и захотелось попробовать. У меня в комнате целый блок «Явы». Схожу, не развалюсь.

Ее слова прозвучали настолько убедительно, что все действительно поверили в курящего Санина да так, что больше по этому поводу к нему никто и никогда не приставал. А жаль...

По дороге к реке к абитуриентам присоединилась еще компания из четырех девушек с гитарой, которые, очевидно, собирались просто посидеть на берегу и полюбоваться чудной природой, но не смогли устоять перед гостеприимными и настойчивыми молодыми людьми, после чего, выбрав самое живописное, по общему мнению, место, устроили привал.

Пока шашлык жарился, разумеется, под чутким присмотром кавказцев, наскоро пере-знакомившись, молодые люди делились первыми впечатлениями об институте, рассказывали о себе, о тех уголках бескрайней Родины, откуда сюда прибыли и почему. Наблюдая за столь разношерстной публикой со стороны никто и никогда бы не подумал, что на живописном берегу подмосковной реки Клязьмы сегодня собрались представители не только различных национальностей бескрайней страны, но и совершенно до этого незнакомые люди. Беседы носили настолько непринужденный и открытый характер, что никто не чувствовал какого-либо смущения и дискомфорта очевидно потому, что страна в ту пору жила одними мыслями, стремлениями и целями, хотя напрямую об этом никто и никогда не задумывался. И Санин, глядя на все это, получая удовольствие в процессе живого общения от небывалого комфорта и познания чего-то нового и доселе неизведанного, со свойственным ему образным восприятием, навеянным книгами и фильмами, просто рассудил, что и действительно, наверное, Москва всех объединяет. И ведь, надо заметить, что к спиртному, которое, как известно, во все времена гарантированно раскрепощало и развязывало язык, никто пока и не притронулся.

Между тем, судя по аппетитному запаху шашлыка, пора было приступать к трапезе. Импровизированная скатерть из старых газет, разложенная на траве, уже давно была заполнена зеленью, овощами, фруктами и хлебобулочными изделиями. Вино и водка, а также доселе ранее невиданный соус, скорее всего привезенный кавказцами с далекой родины, также заняли свое почетное место на «столе», после чего Гиа с видом знатока предложил до подачи мяса «немного промочить горло».

– Я поднимаю этот маленький бокал, но с большим чувством, – держа на уровне головы граненый стакан, наполненный до краев красным вином, торжественно начал он, – за всех дорогих друзей, собравшихся сегодня за этим прекрасным столом! Мы прибыли сюда с одной целью – поступить учиться в институт и это, конечно, для всех важно. Но первый мой тост будет о вещах более вечных и значимых. Я хочу выпить с вами за настоящую любовь и дружбу, которые не подвластны ни времени, ни пространству. И пусть не все, возможно, мы станем студентами, но настоящими друзьями должны остаться навсегда! За любовь и дружбу, на которой держится мир!

Под одобрительные возгласы присутствующих Гиа моментально осушил свой «бокал» до дна, после чего тоже самое исполнили и остальные участники пикника. Опыт участия Артема в подобных мероприятиях с употреблением спиртного ограничивался всего лишь несколькими эпизодами, включая выпускной вечер с бокалом шампанского, парой-тройкой лесных вылазок в старших классах, да еще одного раза на дне рождения одноклассницы, где сильно «поднабрался» всего один парень, доставивший затем остальным столько проблем, что в сознании Санина надолго отложилось неприятие к выпивке. Впрочем, сейчас ему казалось, что подобного ни с ним, ни с кем из присутствующих случиться не может, и потому он также, подражая Гиа, осушил полный бокал вина, которое показалось абсолютно не крепким, а, напротив, очень приятным на вкус. При этом водку пили только мытищинские Саша и Илья, а также Сережа из Краснодара.

После первого под неимоверно вкусный шашлык тосты продолжились. Лидерами в них, конечно, выступали кавказцы, которые умело соревнуясь в красноречии, упомянули и родителей, и прекрасных дам, и «успешное» поступление в институт, рассказав много нравоучительных баек, облаченных в тосты. Их можно было слушать часами, особенно когда сознание под воздействием выпитого приобрело какое-то до этого неведомое утонченное восприятие происходящего: радостное и умиротворенное. При этом пьяного дискомфорта, похоже, никто не ощущал, включая Санина – свежий воздух и обилие мясных закусок благоприятствовали культурному времяпровождению.

Когда абитуриенты вволю насытились и наговорились, худенькая симпатичная девушка Люда с длинными волосами и смешной короткой челкой, взяла в руки гитару и неожиданно запела хорошо поставленным голосом, только недавно ставшую известной и популярной песню, которую Санин почему-то до этого не слышал.

«У беды глаза зеленые –

Не простят, не пощадят.

С головой иду склоненною,

Виноват, и прячу взгляд...» – тихо и проникновенно звучал ее голос, отчего все в восхищении замолкли и загрустили. –

«В поле ласковое выйду я

И заплачу над собой...

Кто же боль такую выдумал,

И зачем мне эта боль...»⁵

Понять с первого раза, о чем поет Люда и откуда «боль» Санин, да и другие абитуриенты не могли, но песня брала за душу, и, когда она закончилась, все горячо зааплодировали и настойчиво стали требовать продолжения. Девушка не стала ломаться и продолжила выступление, каждый раз поражая слушателей содержанием песен и приятным вокалом.

В другое время и в другом месте Санин ни за что бы ни решился взять в руки гитару, более того, отправляясь поступать в институт, он зарекся прилюдно не афишировать свои способности в пении и игре на гитаре, но располагающая душевная обстановка и жажда абитуриентов к искусству подобного рода, а также выпитое спиртное, неожиданно побудило в нем желание показать и себя на этом популярном поприще. Тем более что, когда девушка устала и отложила гитару, слушатели просительного загалдели, дав понять, что желают продолжения художественной самодеятельности.

– Может, кто еще споет? – в надежде осмотрела она присутствующих.

⁵ Популярная в то время песня «Сон трава» на стихи Татьяны Коршиловой и музыку Евгения Птичкина.

4. Дворовый гитарист

Санин, конечно, не был гитаристом-виртуозом, а скорее дворовым музыкантом-самоучкой. В классе седьмом друг научил играть на одной струне «Кузнечика», после демонстрации которого, родители в части приобщения к хорошему начинанию купили ему недорогую гитару, предложив тратить свободное время с большей пользой, чем бестолковое катание с друзьями на велосипедах, или, по крайней мере, разбавлять его обучением музыки. Кроме того, в детстве у Артема обнаружился довольно приличный дискант, открытый новой учительницей пения на первом же уроке при индивидуальном прослушивании учеников. Она тут же прибежала к его родителям с предложением срочно отдать ребенка в музыкальную школу, предсказывая блестящее будущее на этом поприще. Эмоциональная речь, свойственная практически всем представителям подобных профессий, обильно сопровождаемая характерной жестикуляцией, убедила отца и мать Санина в исключительности сына, и буквально на следующий день они привели его в местный Дом культуры, где преподаватели за небольшую плату давали уроки музыки практически всем желающим.

– На каком инструменте хочешь обучаться? – спросила у Артема преподавательница игры на фортепьяно, единственно оказавшаяся на месте.

– На аккордеоне, – безапелляционно заявил Санин-младший, как ему накануне настойчиво посоветовали родители, утверждая, что этот инструмент имеет «очень даже подобающее звучание».

– Аккордеониста у нас нет, – сразу же огорчила она его, – впрочем, для начала давай проверим слух.

Подведя Артема к пианино, она простучала на одной клавише незамысловатую комбинацию, после чего предложила повторить.

Санин без труда повторил.

– Неплохо. А так?

Санин повторил снова.

– Совсем неплохо! А так?

Все последующие тесты, усложняемые с каждым разом, Артем также повторил без ошибок.

– Гениально! Я его беру, – заявила пианистка, обращаясь к родителям.

Видимо разницу между стоимостью аккордеона и неподъемной стоимостью пианино, которое со временем, как ни крути, придется приобретать, родители мальчика в уме прикинули сразу, поэтому от неожиданности не сразу смогли дать согласие, однако, привыкшие ни в чем не отказывать сыну, смирившись, спросили у него:

– Будешь учиться на пианино?

– Еще чего! – неожиданно уперся Артем.

– Но почему? – крайне удивилась пианистка.

– Девчачий инструмент! – резюмировал ребенок.

Огорченная учительница попыталась поспорить, старалась убедить родителей, пуская в ход все свое эмоциональное обаяние, но безуспешно – маленький упрямец жестко стоял на своем.

– Но ведь и аккордеона у нас все равно нет!

– А баян? – вспомнил вдруг Артем первого своего учителя пения Махова Николая Петровича, немолодого краснолицего мужчину, который на уроках только и делал, что сам себе играл на инструменте и вдохновенно пел лирические песни, а когда кто-то заходил в класс из руководства школы, резко менял репертуар на революционно-патриотический. Иногда он просто жаловался малолеткам на свою неустроенную жизнь, пытаясь донести до их сознания

непонятные взрослые проблемы, и они его жалели и любили, как «ненапряжного» учителя, на уроке которого исключительно отдыхали. Когда он по неизвестной причине исчез из школы, все очень сильно расстроились, тем более что случайно подслушанная фраза от кого-то из учителей «сильно закладывал» ничего не объясняла. Впрочем, «Петрович» или «Мах», как его часто называли взрослые, видимо, от потери столь престижной работы сильно не пострадал – ученики часто впоследствии могли наблюдать его явно помолодевшим на различных увеселительных мероприятиях города типа свадеб, проводов в армию и тому подобных.

– Баян у нас есть, – нехотя созналась пианистка, – Махов Николай Петрович преподает.

И Артем с удовольствием записался на баян, предвкушая в будущем иметь такую же завидную популярность, как и у бывшего учителя пения. Впрочем, мечтам его сбыться было не суждено – ни на первое, ни на второе занятие, утвержденное строгим графиком, баянист не явился, а на третье обиженный Санин сам не пришел.

Учиться играть на гитаре тоже оказалось непросто. Вроде, в городе чуть ли не каждый пятый пацан мнит себя гитаристом, а больше трех, от силы пяти аккордов не знает. Бренчат на лавках за семечками какие-то однообразные полублатные жалостливые песни, типа про молодого красивого парня, который на суде рассказывает, как связался со шпаной, стал грабителем и убийцей пока, в конце концов, по недоразумению не вырезал всю свою семью, включая шестилетнюю сестру. При этом в зале все его жалеют и плачут, а концовка вообще не поддается здравому смыслу: «Народ хотел его простить, но судьи приговор читали...» А профессионалу типа руководителя городского ВИА Миши Безгина, короля местной танцплощадки и любимца молодежи, на какого-то начинающего гитариста Санина Артема плевать с высокой колокольни. Он ему даже руки не подаст при встрече, не то, чтобы дать несколько основополагающих уроков! А ведь Санину хочется не просто бренчать по лавкам, ему необходимо как-то выгодно отличаться от общей массы! Хоть и скромный, вроде, парень, а капля тщеславия все же гложет. Впрочем, без этой капли и прозябают на лавках горе-гитаристы, никакой от них пользы...

В библиотеке, куда направился Санин за помощью, на удивление обнаружилась ценная брошюрка под названием «Самоучитель игры на шестиструнной гитаре», а так как гитара у Артема была семиструнной, он тут же занялся ее модернизацией, благо эта проблема имела место почти у всех местных гитаристов, так как в маленьком их городке спрос никогда не успевал за предложением. Удалив лишнюю струну и наметив новые углубления для остальных, увеличив расстояния между ними, Санин получил без особого труда настоящую шестиструнную гитару, которую теперь предстояло осваивать. Дело это оказалось не таким простым, как вначале казалось, и потому уже через полчаса подушки пальцев левой руки болезненно ныли даже от простого прикосновения к струнам, не говоря уже о том, чтобы с силой притягивать их к грифу. Правда, все знакомые гитаристы предупреждали об этой неприятности, успокаивая, что очень скоро на кончиках пальцев появятся характерные мозоли, и все пойдет как по маслу.

И действительно, совсем скоро подушечки пальцев на левой руке задубели особенным образом, отчего брать аккорды стало намного легче. Уже через неделю, не особо углубляясь в дебри самоучителя, Санин смог подбирать простенькие известные песни и даже продемонстрировать определенное умение среди своей дворовой компании, чем, впрочем, особо никого не удивил, ибо таких гитаристов, как уже говорилось ранее, и без него хватало. Тем более что красивый детский дискант к тому времени превратился в заурядный юношеский тенор, хотя и весьма сильный. Но увлечение приносило все больше и больше положительных эмоций и, хотя, изучив основные аккорды и переборы, Артем уже давно забросил самоучитель, он трепетно продолжал заниматься гитарой.

В один из дней, импровизируя, ему, вдруг, показалось, что он придумал красивую мелодию, которую раньше ни у кого не слышал. Словно получив доселе неведомый заряд энергии, Санин начал на ходу придумывать слова, а так как голова у него в ту пору была забита исключительно исторической романтикой, которую он щедро черпал из многочисленных книг Дюма,

Купера, Вальтера Скотта, незамысловатый сюжет о доблестном рыцаре, сраженным сарацином, тут же превратился в музыкальную балладу. Набросав ее на листе и расставив соответственно аккорды, чтобы потом не забыть, Артем тщательно доработал текст и, несколько раз исполнив, остался собой доволен. В другой раз, просматривая какой-то литературный журнал, он заинтересовался переводом с чешского стихотворения неизвестного ему поэта Йозефа Шимана под названием «Коррида». Санину оно настолько показалось мелодичным, что он тут же придумал нехитрую мелодию, и получилась простая грустная песенка о нелегкой судьбе быка и тореадора, которые, совершенно не питая взаимных враждебных чувств, вынуждены убивать друг друга на потеху публике.

Увлечшись сочинительством песен, Санин постепенно чисто технически совершенствовался в игре на гитаре, однако интеллектуальное развитие его в этом направлении разом остановилось и заглохло. Заставить себя изучать, к примеру, нотную грамоту или освоить более сложные классические композиции, он уже не хотел. Да и стоило ли идти дальше, если его песни и исполнение неожиданно произвели фурор не только в своей дворовой компании, но и далеко за ее пределами, а его сольные выступления с восторгом встречали даже на школьной сцене. То есть, по сути, он все равно так и остался обычным дворовым гитаристом, разве что периодически мог сочинять и исполнять свои песни, и этот успех вполне удовлетворял его скромное самолюбие.

– А не выпить ли нам по глотку доброй чешской муляки, – неожиданно предложил Литовченко, когда все письма наконец-то были помещены в камин и их остатки медленно догорали, тем самым наводя легкую грусть и желание наблюдать за этим бесконечно, – по случаю расставания, так сказать...

– Ночь на дворе, Вова, – попытался урезонить его Санин, хотя и сам вдруг почувствовал непреодолимое желание, как можно дольше ощущать этот последний армейский день в части, день, казавшийся когда-то таким далеким и несбыточным, до наступления которого солдаты порой считают часы и постоянно в мечтах пытаются представить, каким он будет. Это ведь не просто день, а день накануне Дембеля, а значит Свободы, и, как бы там ни было, именно в этот день к долгожданной радости подмешивается и немного грусти. Расставание с друзьями – это понятно. Но оказывается еще и расставаться с любым периодом жизни, даже далеко не безоблачным, тоже грустно хотя бы потому, что понимаешь – ты выдержал, победил и теперь за это получаешь награду – бывшую Свободу. И это тоже была Жизнь, хоть и нелегкая. Но твоя Жизнь.

– Ну и что? – подозрительно уставился на неожиданно глубоко задумавшего друга Литовченко.

– Где возьмем в такое-то время?

– Это уже детали, – успокоил его Вова, – было бы желание. Дежурный по штабу!

В кабинет вбежал заспанный сержант из переправочно-десантной роты, пост которого находился как раз возле комнаты уничтожения секретной документации.

– Корчму «У Марека» знаешь?

Сержант понимающе кивнул.

– Вот тебе двадцать крон. Купишь нам с сержантом бутылку вишневой или клубничной муляки – какая будет, а на сдачу можешь себе конфет или еще чего... Только быстро! Приказ понятен?

– Так точно.

– Ну, одна нога здесь – другая там!

– А если товарищ старший лейтенант Ярош, дежурный по части, ненароком встретится?

– Скажешь для прапорщика Литовченко, пусть привыкает.

– Понял. Разрешите выполнять?

– Да давай уже!

После первого стакана вишневой муляки, которая по вкусу напоминала родное домашнее вино, грусть не исчезла, а как-то начинала даже нравиться.

– Тёма, а прочитай что-нибудь своё из последнего, – попросил Литовченко.

– Про армию?

– Нет, любовное, что ты ей посвящал.

– Зачем? И так грустно.

– Все равно почитай. Про фотографию.

– Ладно, – согласился Санин и начал читать, –

«Ты проснешься и снова вспомнишь,
Что на свете совсем не одна.
Фотографию пальцами тронешь,
Но молчит, как обычно, она.
Полистаешь тихонечко письма,
Может быть, как-то даже взгрустнешь,
Бросишь взгляд на опавшие листья,
И нескоро, наверно, уснешь.
А приснится тебе зимний вечер,
Где меж сосен ходили с тобой...
Заметает следы наши ветер –
Твой, а рядом всегда только мой.
Это помнить придется нам вечно,
Раз подарено было судьбой.
Снег весною растает, конечно,
Не растает лишь только любовь».

– Признайся, брат, наверняка она тебя за стихи да песни полюбила, – уверенно предположил Вова после затянувшейся паузы.

– Не знаю, – честно признался Артем, – я и сам не представляю, за что можно полюбить такого избалованного и неприспособленного к жизни парня вообще.

– Помню, каким ты в часть пришел после учебки. Я еще подумал, этому маменькиному сынку тяжеловато придется. А еще сержант, да с высшим образованием! Откуда таких набирают? А сейчас смотрю – заматерел!

– Учителя хорошие были, – усмехнулся Санин.

– Но ведь это на пользу только! Армия – суровая школа, но плохому не научит. Так что невеста твоя только рада будет, когда настоящего мужчину встретит вместо мальчика, которого со слезами провожала.

– А она, напротив, пишет, что боится меня другим увидеть.

– Странно. Это почему же?

– Боится, что взгляды на любовь поменяю.

– Глупость какая! Ты же совершенно точно сказал: все в этом мире меняется, но только не любовь! – и Литовченко с чувством продекламировал, – «Снег весною растает, конечно, не растает лишь только любовь!»

5. Как нужно лечить похмелье

– Можно я попробую? – робко спросил Санин.

– Что? – не сразу понял Жора, так как пауза после того, как Люда положила гитару, сильно затянулась, да еще мытищинские ребята поспешили воспользоваться ею, чтобы наполнить свои стаканы. – Водки? Не советую, дружище. Мешать нельзя. Утром голова болеть будет. Начал с вина – его и пей.

– Я, в смысле, на гитаре...

– Серьезно? А умеешь? Не можно, а нужно! – воодушевился Жора. – Дружья мои, оказывается и среди нашей мужской половины не перевелись таланты. Попросим, товарищи, попросим!

– Давай, Артем! – подбадривали и остальные.

И Санин сначала тихо, затем более уверенно, чувствуя, что его внимательно слушают, запел детскую романтическую песню про летучего голландца, которую сочинил когда-то под впечатлением прочитанной не то энциклопедической, не то просто газетной статьи. Его летучий голландец, как и всемерно известный, также таинственным образом появлялся и исчезал на океанских просторах, но, в отличие от традиционного, предвестником гибели ни для кого не являлся, а просто олицетворял одиночество и отчаянную грусть, так свойственную в этом возрасте романтическим натурам вроде Санина. Все абитуриенты были ровесниками, а потому не удивительно, что слушали песню затаив дыхание.

– Ну, ты, старик, даешь! – под одобрительные возгласы присутствующих восторженно воскликнул Жора, когда прощальный звук струны растворился в легкой дымке догорающего костра. – Артист! А ну, давай еще!

– И, вправду, Артем, спой еще что-нибудь! – поддержали остальные.

Артем не стал ломаться, тем более что под воздействием выпитого вина, он чувствовал в себе какой-то ранее неведомый прилив энергии, позволяющий вести себя раскованней и уверенней, отчего песни звучали легко и свободно, будто он пел их не на публике, а в полном одиночестве сам для себя. Следующую, чтобы не утомлять друзей однообразием, он спел веселую, хоть и несколько глуповатую песенку про робота, который влюбился в стиральную машину, а закончил дворовым хитом про корриду, больше всего понравившуюся девушкам. Люда даже выразила желание непременно включить ее в свой репертуар.

Между тем, выяснилось, что в компании присутствует еще один гитарист – Саша Колосов из Мытищ. Переняв эстафету, он довольно профессионально спел популярную в то время песню из репертуара «Машины времени» «Марионетки», которую все с энтузиазмом подхватили, а потом пели еще и еще под его умелый аккомпанемент. При этом компания будущих студентов не забывала наполнять стаканы, но Санин не чувствовал себя пьяным, как это обычно бывает впервые. Он сразу и не заметил, как кто-то подсел к нему очень близко и зябко прижался. Как ни странно, это оказалась Люба, которая только сегодня утром флиртвала с Жорой на их общей кровати в общежитии.

– Сигарету тебе нормальную принесла, – пояснила она смутившемуся Артему, – ты же не негр, чтобы кубинские курить!

Артем нерешительно принял из ее тонких пальцев протянутую сигарету и, стараясь скрыть растерянность, в унисон спросил;

– А что, кубинские сигареты только негры курят?

– Ладно, проехали, – снисходительно усмехнулась девушка, ловким движением поджигая спичку, – закуривай! Я ее уже для тебя размяла.

Санин, как ему показалось, заправски закурил, в то время как Люба продолжала с чуть заметной доброжелательно-насмешливой улыбкой рассматривать его лицо. От этого вызываю-

щего продолжительного взгляда Артем и вовсе смутился, тем более что ее рука при этом хоть и нежно, но довольно бесцеремонно гладила его по спине. Будет глубоко нечестно утверждать, что до этого Санин не имел ни одного романа с девушками, более того, у вчерашнего школьника их было более чем предостаточно для своего возраста. Ему даже перепало пережить пару-тройку любовных драм с недетскими переживаниями, однако все они развивались, как правило, медленно, с обязательным длительным платоническим периодом, а апогеем отношений считалось страстное соприкосновение ладоней на совместной прогулке или дворовых лавочных посиделках.

– Почему ты так странно на меня смотришь? – наконец не выдержал Артем.

– Ты очень смешно куришь, – заметила Люба.

– Почему?

– Все время внимательно смотришь на кончик сигареты.

– А разве нельзя?

– Можно, но как-то это смешно.

Санин спешно перевел взгляд в сторону реки, хотя в кромешной тьме, далее трех метров уже ничего не было видно.

– А ты смотри лучше на меня, – улыбаясь, предложила девушка, – разве я тебе не нравлюсь?

Столь прямой вопрос, хотя и прозвучал в несколько шутовском тоне, и вовсе смутил парня, тем более что где-то рядом находился его новый друг Жора, который совсем недавно предлагал Любе замуж.

– Нравишься, конечно, – согласился Артем, понимая, что другой ответ будет в данных обстоятельствах звучать не просто нетактично, а в высшей степени оскорбительно.

– Ты мне тоже нравишься, – как-то непривычно по-взрослому прошептала Люба, – может, убежим потихоньку?

– Куда? – испугался Санин.

– Не важно. Просто убежим куда-нибудь вдвоем.

Отбивать чужих девушек в тех кругах, в которых вращался Санин, считалось делом на редкость позорным и недопустимым, даже если девушка действительно нравилась, поэтому Артем сразу для себя исключил вариант, предложенный ею. Вспомнил, как в классе девятом, когда уже, казалось, завоевал сердце ровесницы, вдруг узнал, что она предпочла друга, который и сообщил ему об этом с заверениями, что этому не бывать, потому что они друзья, и еще сильнее укрепился в своих намерениях. Вопрос, как отказать тактично? Да и нравится ли ему Люба? До этого момента он и не думал об этом, а сейчас ему казалось, что, возможно, и да. Она симпатичная, приятная, такая открытая и доверчивая в своих чувствах. Как она может не нравится? Но порядочность по отношению к другу и честь дороже.

– Неудобно как-то, – попытался сгладить обстановку Артем, – пришли ведь вместе...

– Да и правда, – ничуть не обиделась девушка, – давай, что ли выпьем тогда?

И Артем охотно согласился, радуясь, что побег Люба готова заменить безобидной выпивкой.

– Но пить будем на брудершафт, – безапелляционно предложила она, – знаешь как это?

– Нет.

– Сейчас научу. Так пьют люди, которые очень уважают друг друга.

Санин кивнул, но, когда увидел, что она в оба стакана наливает водку, попробовал протестовать.

– Нет – нет! – возразила Люба. – А то брудершафта не получится.

Происходящее, естественно, уже не могло не привлечь внимания остальных, и потому со всех сторон послышались неодобрительные возгласы:

– Люба, прекращай человека спаивать! Ему ведь плохо будет.

- Артем, тебе разве плохо? – голосом, не терпящим возражений, спросила девушка.
- Нет.
- Тогда пей!

Брудершафта, конечно, не получилось. Водка неприятно обожгла горло и даже вызвала резкую тошноту, отчего Санину стало не до поцелуев. К счастью, Люба это вовремя заметила и под смешки абитуриентов начала насильно запихивать ему в рот какие-то кислые не то фрукты, не то ягоды, с помощью которых желудочная среда моментально нормализовалась, что нельзя было сказать о психическом состоянии, так как с этого момента он уже перестал адекватно воспринимать происходящее и, попросту говоря, опьянел. Позже он даже не смог вспомнить, кто первым проявил инициативу долго и страстно целоваться у затухающего костра под несмолкающий нестройный хор подвыпивших молодых людей, которые их с Любой, похоже, уже не замечали, возможно, занимаясь тем же. По крайней мере, Жора, находящийся в зоне видимости, давно уже обнимался и целовался с девушкой из новой компании.

Проснулся Санин на следующее утро, как и следовало ожидать, не в лучшем самочувствии и, что еще хуже, сгорая от стыда, так как почти не помнил окончание вечера. Будучи уверенным, что безнадежно вчера опозорился, он вообще предпочел бы не просыпаться, однако обитатели комнаты №8 почему-то так не считали, напротив, отнеслись с должным вниманием и заботой, особенно Саша Колосов, который тут же предложил стакан горячего чая.

– Что, совсем плохо? – поинтересовался он, когда Артем после его употребления лишь безнадежно махнул рукой.

– Прямо в первый раз со мной такое, – честно признался он.

– Чаем душу не обманешь – тут другое нужно, – с видом знатока заметил Илья, – что-нибудь осталось после вчерашнего?

– Вряд ли, – пожал плечами Колосов.

– У меня бутылка коньяка в чемодане, – вспомнил Виген.

– Это отпадает, – махнул рукой Колосов, – ты ее на подарок хотел...

– Подарок еще некому давать, – многозначительно заметил Виген, – мне скоро еще привезут, а человеку сейчас плохо. Хотя, конечно, Артем-джан, я бы тебе не советовал привыкать с утра...

– Что же ему умереть теперь? – удивился в свою очередь Илья. – Я если переберу, то всегда. Ооочень помогает!

– Не надо коньяка! Ничего не надо! – взмолился Артем, которого чуть не потянуло на рвоту, когда заговорили о спиртном. – Никогда больше в рот не возьму!

– Просто перебирать не надо, – посоветовал Гиа, – и особенно мешать. У меня на родине никогда этим не лечатся.

– Потому что воздух другой, – вмешался Сергей из Краснодара, самый взрослый и авторитетный среди ребят, успевший отслужить в армии, уже этим вызывая всеобщее уважение – а тут это первое лекарство. Доставай, Виген, я тоже не откажусь. Пятьдесят граммов никогда не помешают.

Выпить «по пятьдесят граммов» выразили желание практически все выходцы из России, однако, когда поднесли стакан Санину, тот, почувствовав запах спиртного, сразу же ощутил сильную тошноту и решительно отказался. Впрочем, сердобольные товарищи не собирались так просто сдаваться.

– Да ты выпей через силу, тут же полегчает! – настаивал Илья. – Мне первый раз вообще насильно в глотку заливали. Будь мужиком!

Терять звание мужика, которое, как казалось, вчера он только приобрел, не хотелось, поэтому Артем, подавил отвращение неимоверной силой воли, залпом залив содержимое в

рот. Еще секунда, и, казалось, Санин избавится не только от содержимого ротовой полости, но и желудка.

– Глотай скорее и не дыши! – посыпались со всех сторон дельные советы, не воспользоваться которыми значило бы однозначно перевести впустую ценные продукты, употребленные накануне, а потому, выдержав испытание, облегчив его долькой лимона, услужливо подsunутой кем-то из ребят, Санин уже через минуту почувствовал неимоверное облегчение не только физических, но и, как ни странно, нравственных страданий.

– Ну, что убедился? – радостно констатировали факт успешного лечения недуга абитуриенты, ни минуты не сомневаясь, что он свершился.

– Да, вроде, прошло, – согласился Артем.

– Но больше сегодня не пей, – участливо посоветовал Гиа.

– А и нечего уже, – бросая пустую бутылку под кровать, заметил Илья, – благо, коньяк хороший, крепкий – для лечения много не надо.

– А где же Жора? – только сейчас заметил Артем.

– За Жору не переживай – он редко здесь ночует, – засмеялись абитуриенты, – дела амурные.

– Неудобно как-то с Любой его вчера получилось, – покраснел Санин, вспомнив детали вечера.

– Да брось, старик, он уже себе новую пассию нашел! Еще спасибо тебе скажет, – успокоил его Гиа, а Олег, казавшийся самым серьезным и рассудительным из всей компании, добавил:

– Ты от Любы этой все же держись подальше.

– Почему?

– Ну, просто не годится тебе эта девушка... – уклончиво посоветовал он.

Последнее замечание, сказанное о Любе, Санин предпочел пропустить мимо ушей, так как его сознанием полностью овладела более важная для него новость о том, что Жору больше эта девушка не интересует. А пара она ему или нет, откуда Олегу знать? Может быть, она и не особо привлекала Артема, но ее неожиданное влечение к нему, какой-то доселе неведомый и нескрываемый порыв чувств, проявленный накануне, подкупали с головой молодого человека черпающего сведения о любви исключительно из романтических книг и лирики классиков. Воодушевленный последними событиями и слегка подогретый алкоголем он жаждал вновь увидеть ее, притом немедленно, однако не знал, где искать и как вообще вести себя в этой ситуации, сохраняя достоинство и благоразумие. На помощь неожиданно пришел Жора, который явился в комнату несколько помятым, но как всегда веселым.

– Как себя чувствует главный герой вчерашнего вечера? – недвусмысленно намекнул он на Санина.

– Уже хорошо, – поспешил его успокоить Колосов.

– Вижу, что подлечились, – подмигнул Жора, – и, конечно, мне не оставили.

– Для некоторых и любовь лекарство, – осадил его Олег.

– Да, любовь – это великое лекарство, но в смеси с хорошим вином становится эликсиром от всех болезней. Честное слово, Артем, у меня до утра вертелись на языке твои песни! Особенно вот эта: «Однажды он увидел стиральную машину и почему-то красным стал металл...» И дальше, как там? Забыл... Ах, да! «Не могу я понять, как такое мне назвать?» А Анжела все время напевала «Корриду». Нет, правда, старик, ты настоящий талант! И главное, с легкостью увел у меня Любашу. Теперь придется жениться на Анжеле, но ты не смущайся – я умею с достоинством проигрывать, а главное – с твоей помощью я понял, что ее чувства ко мне были непрочными. Так что спасибо тебе.

Смущенному Санину хотелось провалиться сквозь землю, хотя он уже и сам начал понимать, что жениться ни на Любе, ни на Анжеле Жора не собирался, а потому огорчаться по этому поводу не стоило.

– Кстати, – продолжил Жора, – я пригласил девчонок из вчерашней компании с гитарой в нашу берлогу, а потому не мешало бы к вечеру снова закупить чего-нибудь спиртного и хотя бы немного прибраться. Поход в магазин я беру на себя, а уборкой, как обычно, займется Вера с Любашей. Они обещали подойти после обеда. Серега, сходишь со мной за компанию?

– А учиться когда? – неожиданно возмутился тот, чем несколько удивил Артема, которому уже начинало казаться, что только он переживает за подготовку к экзаменам.

– Перед смертью не надышишься? – парировал Жора.

– Вам легко рассуждать – только школу закончили, а у меня за два года армии все знания вытрясли на строевой и политической подготовке. Когда на подготовительные курсы начнем ходить?

– С завтрашнего дня! – заверил Жора и, умело картавя под Ленина, переиначил известный анекдот. – Девчонкам скажем, что ушли к другим девчонкам, другим – что к этим, а сами в институт и учиться, учиться и учиться! Кстати, школу я тоже два года назад как закончил, разве что послужить пока не пришлось. Впрочем, не исключено, что этой осенью при определенных неблагоприятных обстоятельствах придется.

– Я могу в магазин сходить, – услужливо предложил Санин, желая хоть чем-то быть полезным такому авторитетному новому другу как Жора.

– Только разве что в качестве носильщика, – согласился тот, – а то ты еще тетю Капу не знаешь. Вмиг раскусит, что ты несовершеннолетний, и вместо водки фигу получим. Она женщина принципиальная. На улице постоишь, пока я скупаться буду, а Серега, так и быть, пусть на подготовительные курсы сходит. Хоть расскажет потом, стоит ли туда вообще ходить?..

По дороге в магазин Санин решил у Жоры поинтересоваться, почему рассудительный Олег не советовал ему иметь дело с Любой.

– Видишь ли, старик, – серьезно задумался Жора, – Люба не та девушка, за которую ты принимаешь. Как бы тебе объяснить подходчивей, чтобы не обидеть... Ты парень, по всему видно, молодой еще, интеллигентный, а она шалава обычная. Бьюсь об заклад, что ты раньше таких не встречал. Верно? А ей нравится учить молодых и неопытных.

– В каком смысле? – начинал обижаться Артем больше за Любу, чем за себя.

– Ты не кипятись, – как можно мягче успокаивал его Жора, – я твой друг и плохого не посоветую. Пообщайся, конечно, потискай, коли желание есть, а на большее не соглашайся, а то, не ровен час, попадешь в неприятную историю. Эти девушки такие ушлые – не успеешь оглянуться, как получишь душевную травму с сюрпризом.

– Какую травму? – никак не мог понять Санин.

– Короче, я тебя предупредил, а там сам смотри. Пришли уже. Стой на улице и не вздумай показываться Капе на глаза, а то по твоему внешнему виду можно сделать вывод, что мы просто за мороженым пришли.

Вернувшись в общежитие, Санин вдруг вспомнил о сестре, которая в порыве волнения за него, вполне могла и приехать в институт на розыски брата.

– А можно ли отсюда позвонить в Москву? – поинтересовался он у ребят.

– На вахте телефон, – посоветовали ему.

На вахте сердобольная старушка воспользоваться телефоном разрешила, только предупредила, что, если ему самому начнут звонить – бегать за ним не будет. Сестра предусмотрительно написала на листочке Артему не только домашний, но и рабочий телефон с требованием незамедлительно сообщать о каждом шаге, проделанном вне поля ее зрения.

– Можно Веру Сергеевну? – услышав незнакомый женский голос, поинтересовался Санин.

– Это Артем? – неожиданно проявила осведомленность незнакомая женщина на другом конце провода. – Куда же вы пропали? Верочка очень за вас волнуется. Сейчас передам трубочку.

– Артем, мать твою так, – действительно взволнованно отозвалась Вера, – что же ты ночевать домой не приезжаешь?

– Но, я же записку написал! – пробовал оправдываться Санин.

– Что мне твоя записка?! Сестра волнуется, переживает, а он... Немедленно приезжай!

– Но я же не могу... Тут курсы... подготовительные. Я на них хожу.

– А ночевал где?

– В общежитии. Меня в комнату поселили с хорошими ребятами. Вместе к экзаменам вчера весь вечер готовились...

– Это в темноте-то на берегу Клязьмы, – поспешила устыдить вахтерша шепотом и укорительно покачала головой.

– Я и сейчас отсюда звоню, – закрывая трубку от посторонних звуков, продолжал бессовестно врать Артем, – на перерыв вышел.

– После курсов сразу домой! – безапелляционно приказала сестра.

– Вера, но я пообещал сегодня вечером ребятам помочь решить несколько задач с интегралами. Понимаешь, они уже давно школу закончили, и я могу освежить их знания. Вместе заниматься ведь всегда легче.

– С девчонками и алкоголем?

Проницательности сестры можно было позавидовать.

– С чего ты взяла?

– Что я сама не поступала?

– Ты не права. Если хочешь, приезжай и посмотри, – играл ва-банк Санин.

– Ладно, – сдалась, наконец, Вера, – но завтра чтобы появился! Мы с Олегом тебе комнату отдельную выделили, чтобы ты мог спокойно готовиться. Кроме того, я не понимаю, чем ты там питаешься?

– В столовой.

– Догадываюсь, что в столовой, но чем? Еще не хватало отравиться накануне экзаменов! Все, Тёма, разговор окончен – завтра ждем тебя у нас.

Санин облегченно вздохнул и положил трубку, боясь встретиться с осуждающим взглядом строгой и одновременно заботливой бабушки-вахтерши, которая сердито вернула телефон на прежнее место за стойкой и довольно убедительно предупредила;

– Если сегодня явитесь как вчера – не пушу! Хотя на улице ночуйте, лоботрясы...

6. Учебка

6

– Да, вот так и подкрался дембель незаметно, – закуривая очередную сигарету, лениво рассуждал Литовченко, – парадокс: дни армейские медленно тянутся, а потом раз – и полгода прошло! Оглянулся – год пролетел! А там и полтора промчалось! Вам ученым хорошо – полтора года служить всего. Кстати, а как тебя после учебки за границу отправили? Насколько я знаю, редкий случай. Нужно ведь спецпроверку проводить, а служить всего год остается.

– Да, я тоже такое слышал. А еще говорили, что мы народ неблагонадежный – можем за кордон убежать. Так что заканчивал я учебку в полной надежде остаться в Союзе.

– Чтобы с ней видаться?

– Ну да. Она целых два раза приезжала в часть, хотя, согласись, от Москвы до той глубинки на Западной Украине, куда меня служить угораздило, около двух дней пути!

– И что же произошло? Почему тебя сюда забросило?

– Это целая история, дружище. «Добрые» люди помогли.

– Догадываюсь. На кого-нибудь из командиров пасквиль непотребный в стихах написал. Странно, что здесь ты в любимчиках. Впрочем, как я понял, в войсках у людей больше чувства юмора, чем в учебках. Один только начальник связи сколько от тебя натерпелся! Я бы на его месте сгноил бы тебя в нарядах, а он только ходит и зубами скрипит... А парторг Коровянский? Начальник штаба при любом случае твоими цитатами их клеймит, словно они дегенераты какие. Об особисте вообще молчу...

– Зря ты. Там же просто добрый юмор и ничего больше. Они же понимают.

– Это на гражданке юмор, а здесь за такие шутки получают сутки, – неожиданно срифмовал Литовченко и сам засмеялся своему каламбуру, – сутки на гауптвахте. Что, угадал? На отцов-командиров замахнулся?

– Не угадал, Вова. Мне в учебке не до стихов было – там расслабляться некогда. А у командиров я и там в почете был, как, впрочем, почти все ребята нашего взвода после вузов, которых собрали в один. Мы же по армейским понятиям считались что-то вроде вундеркиндов на общем фоне солдатской безграмотности. По крайней мере, могли без запинки на политзанятиях перечислить все пятнадцать республик СССР, страны социалистического содружества и капиталистического блока.

– Ну, это и я могу, – обиделся Литовченко, – в техникуме тоже проходили.

– Поэтому и в штабе служишь. А у нас, к примеру, вызывают к доске обычного солдата, кстати, той же национальности что и ты, только из глубинки, а он ни одной капиталистической страны не знает. Замполит роты просто в шоке: «Что я с вами на проверке делать буду? Меня же за одно место подвешат! Хотя одну капиталистическую страну на доске напиши...» А солдат не может, хоть и вправду подвешивай! Но солдатское братство разве даст пропасть – подсказать шепотом, конечно, пытаемся. И пишет что-то из двух слов, вытирая испарину со лба. «Не пойму, что ты написал, – морщится замполит, – переведи!» «Вэлько Брытания! – с гордостью читает боец под общий смех, а бледный от отчаяния замполит, не дожидаясь проверки, уже сейчас готов застрелиться.

– У нас такая же байда, – не удивился Литовченко, – и ничего. Главное, чтобы проверяющие хорошо поели и попили за время проверки. Или к вам больные и зашитые приезжали?

– Там же учебка, младших командиров готовят! Понимаешь разницу? Ну, наш взвод поэтому за всех и отдувался. Разве что в спорте мы подусталые были, но и то не все. А я еще и комсорг, и газету выпускал, и в ансамбле играл, и даже занятия проводил с отстающими.

⁶ Учебка (разг.) – учебная воинская часть для подготовки специалистов либо младших командиров.

– Так тебя же должны были вообще сержантом в учебке оставить с такой общественной нагрузкой, как мне кажется.

– Планировали – как замполит по секрету сказал, но оказалось, что не всем это пришлось по нраву. Старшина роты, прапорщик Касторский невзлюбил.

– Старшина роты? Да кто он такой!

– Это здесь раздатчик белья и портянок, а в учебке даже простой сержант как в войсках офицер. Тем более что прапорщик Касторский это вообще уникальный экземпляр. Представь себе огромную тушу, облаченную в сшитую по заказу военную форму из дорогой ткани, как у генерала, едва сходявшуюся на животе, такую же огромную фуражку-аэродром, из под козырька которой едва были видны два хитрых маленьких глаза и такой же остренький носик, вечно недовольную ухмылку в уголках рта и большие оттопыренные уши. Впрочем, не такая уж и отталкивающая внешность, если не брать во внимание постоянное наглое выражение лица, словно ему, прапорщику Касторскому, весь мир был чего-то должен. А я почему-то больше всех! Хотя, впрочем, сам виноват. Как только привезли нас в часть, сержанты построили в проходе казармы после бани в новой форме, сразу же появился прапорщик Касторский. Стал перед нашей необученной разношерстной публикой, уперев руки в боки и широко расставив ноги, и так пренебрежительно-высокомерно говорит:

– Что стоите, как в штаны наклали?! Руки по швам и ноги вместе! – а потом насмешливо добавляет, – Мне можно – я командир.

Тут я возьми, да скажи что-то ироничное шепотом соседу, касаясь личности хамоватого командира. Не помню что, но он засмеялся. А Касторский заметил, приказал выйти из строя, спросил фамилию и пообещал «сгноить в нарядах». И действительно, в первое время я из дневальных по роте не вылезал, пока замполит и другие офицеры части не обратили внимания на мои способности. Даже начальник санчасти нас совершенно здоровых вместе с однозвонником, окончившим художественное училище, в свою вотчину периодически определял с фальшивыми болезнями, чтобы мы наглядную агитацию вывели на должный уровень. Ну, начальник клуба, пожилой майор, ясное дело, нас музыкантов, как родных детей оберегал от всякого армейского произвола, а замполит роты и вовсе во мне души не чаял. И даже не потому, что получил готового грамотного комсомольского вожака с пятилетним институтским стажем – мы с ним еще и по интересам оказались близки: на одних книгах и фильмах выросли, одни жизненные убеждения имели, и потому оба в душе недолюбливали таких хамоватых «командиров» как Касторский.

А уж как старшина роты ненавидел замполита, это уже отдельный разговор! Надо заметить, что замполит – единственный офицер в части кто реально прошел афганскую войну. Был даже контужен взрывом гранаты, хотя никогда этим не бравировал. Будучи очень интеллигентным человеком, часто не обращал внимания на наглые выходки прапорщика в отношении себя, хотя был значительно старше по должности и званию. Доходило до того, что Касторский мог зайти на политзанятия и потребовать у замполита их окончания лишь потому, что ему приспичило отправить курсантов на уборку территории.

– Выйдите, пожалуйста, старшина, – сдержанно осаживал его замполит, – не мешайте проводить занятия!

– Да кому они нужны! – усмехался Касторский. – Все равно от ваших занятий никакой пользы!

– Покиньте немедленно класс!

– Хорошо, – лукаво соглашался Касторский, – если не верите, обратите внимание на портреты высшего военного руководства страны!

И тут после продолжительного коллективного просмотра курсанты среди множества парадных портретов маршалов и генералов удивленно замечают выполненное в том же духе до

боли знакомое изображение прапорщика Касторского со скромными юбилейными медалями на груди, но с выражением лица достойного генералиссимуса.

– Неделю висит, между прочим, – победно заявляет старшина роты, крайне довольный хохмой.

– А и вправду прикольно! – засмеялся Литовченко. – Этот ваш старшина не лишен чувства юмора. Правда, наш замполит его бы за это отправил на гражданку шутки шутить... Может, у него лапа волосатая где-нибудь среди тех людей на портретах?

– Вряд ли. Скорее всего, однажды нечто подобное прокатило без последствий, а хаму только волю дай. Я же говорю, замполит слишком воспитанным был, чтобы мстить. При этом он столько раз Касторского пьяным в роте ловил и выгонял с территории части, но ни разу не заложил! А тот и вправду привычку взял – накатит самогона, придет и давай над курсантами издеваться! А может и не трогали его, потому что в роте всегда порядок присутствовал, хотя и показушный. Проверяющие прямо умилялись, когда их по расположению водили. Кристальной чистотой в армии никого не удивишь, а вот хорошей организацией культурного досуга – это действительно фишка! С самого начала службы Касторский приказал курсантам скинуться на приличный музыкальный центр, который установили в казарме и включали во время проверки, утверждая, что солдаты вечерами предпочитают пришивать подворотнички под классическую и популярную музыку. Иногда включали и в праздники, а также, если часть посещали чьи-нибудь родители. Для этой же цели и за те же средства по настоятельному требованию старшины был организован и живой уголок, состоящий из нескольких забавных хомячков – любимых животных Касторского. Радости они, правда, нам не приносили – одни неприятности. Нетрудно догадаться, как старшина роты ежеминутно проверял качество их содержания, начиная с питания и кончая уборкой клеток! Зато вечерами, когда он наблюдал за животными, присев в удобном кресле, его привычный нагло-шутливый взгляд, как правило, менялся на мечтательно-умиротворенный. И так как в этот момент прапорщик Касторский был потенциально не опасен, курсанты могли спокойно заниматься своими делами, не боясь попасться ему под горячую руку. Иногда возле клеток присаживался и мой командир взвода, старший лейтенант Побегайло, который доставал самого толстого хомячка, комично изображал его избиение, при этом приговаривая: «По почкам! Получай жирная свинья по почкам! Ну, право, вылитый прапорщик Касторский!», – из чего можно было сделать вывод, что не любили старшину роты не только курсанты. А еще его каптерщик⁷ как-то поделился, что Касторский периодически с командиром роты в бане парится. Может в этом причина его высокомерного поведения и непотопляемости? Говорит, что водку и пиво им туда носил. Это, конечно, веский аргумент.

Иногда мне казалось, что прапорщик Касторский не такой уж и негодяй, как видится. Однажды мне посчастливилось наблюдать его неподдельное смущение, и даже некоторую растерянность от своих не совсем благовидных поступков. А случилось это примерно через месяц службы, на следующий день после принятия присяги.

В то утро с КПП⁸ прибежал дневальный и взволнованно сообщил мне, что неожиданно негаданно приехала моя невеста, которая и ранее сообщала в письмах, что собирается это сделать, а я ее действительно отговаривал, учитывая долгий путь и риск разочарования слишком короткой встречей. Я полагал, что вряд ли отцы-командиры позволят отлучиться молодому солдату за территорию части тем более по случаю приезда не матери и отца, коих наехало по поводу столь знаменательного события немало, а всего лишь знакомой девушки. Естественно, я и обрадовался и расстроился одновременно, а дневального попросил больше никому не распространяться, надеясь, что эта новость каким-то чудом не дойдет до главного врага – Кас-

⁷ Каптерщик - от слова «каптерка» – небольшая кладовая, где хранится ротное имущество. Каптерщиком обычно называли солдата срочной службы, который выдавал его по указанию старшины роты и следил за сохранностью.

⁸ КПП – контрольно-пропускной пункт.

торского. Уж тот, будь уверен, пользуясь случаем, сделает все, чтобы совершить в отношении меня пакость по полной программе!

Впрочем, как я ошибался! Не успел я еще до конца осознать, как действовать дальше в столь щекотливой ситуации, как один из наших сержантов доложил мне, что прапорщик Касторский немедленно ждет меня... в сушилке! Не у себя в кабинете, не в канцелярии роты, как это предполагалось, а в тесной и вонючей сушилке среди мокрых х/б и портянок! Уж не собрался ли он меня там придушить от радости в связи с представившимся случаем без свидетелей?

Встретил меня старшина роты в сушилке, как и следовало ожидать, с издевательской улыбкой на губах, которая моментально переросла в серьезную мину, с которой он и начал разговор:

– Что, Санин, девушка приехала?

– Да, товарищ прапорщик.

– Это хорошо. Ты обязательно сходи к ней на КПП. А то неудобно как-то. С самой Москвы ведь добиралась?

– С Москвы.

– Объясни ей, что у нас война... то бишь, армия. Это вам не в Москве в институте. Тут дисциплина и порядок.

– Хорошо, товарищ прапорщик, – спокойно соглашался я, чтобы не дать этому упырю насладиться своим отчаянным положением, тем более что в уме уже хладнокровно нарисовал себе нехитрый план похода к замполиту, который наверняка сможет решить этот вопрос без участия некоторых самоуверенных нижних чинов, но тут крошечные глазки Касторского загорелись вновь лукавым огнем.

– Есть, правда, одно обстоятельство, когда старшина роты не заметит пропажи солдата из расположения части. Догадываешься, студент, что я имею в виду?

– Нет, товарищ прапорщик.

– Когда старшина роты будет пьяным, – недвусмысленно намекнул Касторский, очевидно, не желая долго мучить догадками нерасторопного курсанта в вонючей сушилке, – понял?

– Понял, конечно, – радуясь, что вопрос так легко, оказывается, решается даже на самом низшем уровне, – так я побежал?

– Куда?

– На КПП. Не думаете же вы, что у меня в прикроватной тумбочке или, тем более, прямо здесь в сушилке способ старшину роты сделать пьяным припрятан?

– Логично, – спохватился Касторский, – а у девушки твоей, если она не дура, конечно, все необходимое наверняка имеется! С пустыми руками навещать солдата никто сюда не приезжает.

Встретились мы с невестой на КПП весьма необычно: почти сразу отстранившись от традиционных объятий и поцелуев, я обратился к содержимому сумок.

– Что ты ищешь, – удивилась она.

– Водку привезла?

– Ты серьезно? Зачем? Нет, конечно! Но вкусокостей всяких ооочень много.

– Беги в магазин за бутылкой!

– Зачем? Тебе же здесь нельзя!

– Беги, иначе не отпустят!

Повторять дважды не пришлось – мы понимали друг друга без лишних слов, поэтому уже минут через двадцать водка наряду с московской колбасой высокого качества, а также иная наспех собранная из сумок закуска была тщательно упакована в отдельный пакет, именуемый с

этого момента магарычом. Дождаться пока старшина роты «станет пьяным» я, естественно, не собирался, намереваясь немедленно отнести ему пакет и, хотя бы до вечера, исчезнуть, однако события развивались гораздо интереснее.

– Товарищ курсант, разрешите обратиться! – неожиданно за спиной услышал я голос Касторского и растерянно обернулся.

Улыбающийся прапорщик на виду всего КПП стоял передо мной навытяжку, приложив, как принято было у нас шутливо называть, «копыто к черепу». Машинально я сделал то же самое.

– К вашей невесте, – смущенно уточнил он.

– Разрешаю, – пришлось подыграть мне.

– Прежде чем мы подобающим образом оформим увольнительную, я бы хотел показать расположение нашей роты, чтобы вы убедились, как хорошо служит здесь курсантам, и они ни в чем не нуждаются.

– А это обязательно, товарищ прапорщик? – расстроился я, представляя какое гнетущее впечатление может произвести казарма на мою неискнуемую невесту.

– Проехать полторы тысячи километров и не увидеть самого интересного? – искренне удивился Касторский и, более не вдаваясь в дискуссии, повел нас напрямик в казарму.

Всю дорогу старшина роты без тени фальши распинался, какой я образцовый солдат, и как он хорошо ко мне относится, а когда пришли в расположение, он и вовсе расцвел в красноречии, демонстрируя живой уголок. Естественно музыка уже играла на полную катушку, а любопытные немногочисленные курсанты всем своим видом показывали, что безмерно счастливы служить именно здесь под чутким руководством такого доброго и заботливого командира. И только тогда, когда забавные ручные хомячки были обласканы руками девушки, Касторский повел нас в канцелярию, где командир взвода все утро выписывал увольнительные курсантам по случаю приезда родственников.

– Вы насколько приехали? – дежурно поинтересовался он.

– Завтра уезжаю.

– А с ночевкой определиться сможете?

– Сможем, товарищ старший лейтенант, – поспешил ответить я.

Взводный тут же написал увольнительную и вручил ее мне, однако Касторский почему-то не спешил отпускать, продолжая углублять тему обо мне, как образцовом солдате, в то время как собранный магарыч начинал уже сводить руку, а мозг кипеть от нетерпения. И только когда словарный запас у старшины роты иссяк, отчего он начал глупо повторяться, я не выдержал и, нетактично для своего положения перебив, поинтересовался, где можно поставить пакет. То, что случилось с прапорщиком дальше, я не мог и предположить! Привычная наглая физиономия неожиданно приобрела гримасу невиданного смущения, словно его раздели догола на плацу и опустили в кипящий котел! Красный как рак, заикаясь и пряча глаза, срывающимся голосом он пролепетал:

– Ну... ну зачем же вы при невесте?... Она может ведь не так понять... А тут такое дело...

Не меньше минуты прапорщик, кряхтя и потев, подбирая слова, до крайности забавляя взводного, пока, наконец, не выдал достаточно логичное на своем уровне объяснение:

– У нас в армии считается, если солдат пьяный – это плохо, а старшина – хорошо!

Кстати, в тот вечер мы неплохо посидели дома у замполита за стаканом легкого коктейля, без проблем сняли угол у местной сердобольной бабули, а на следующий день невеста уехала в Москву.

Месяца два после этого случая Касторский меня не трогал, но со временем отношения наши снова почему-то испортились. Он вообще не очень-то жаловал солдат с высшим образованием, а моя дружба с замполитом и вовсе приводила его в бешенство. Однажды на учениях, когда мы в составе отделения ехали на открытом бронетранспортере, он даже умудрился бро-

сидеть мне под ноги взрывпакет с горящим фитилем в надежде, что я со страха наложу в штаны. Не желая доставить ему такого удовольствия, я нарочно поднял его и держал до тех пор, пока фитиль не догорел до конца, после чего только выбросил наружу, и он взорвался в воздухе.

– Все равно не представляю, как слюнявый студент Санин, будущий командир, сможет поднять людей в атаку, – пытаюсь скрыть досаду, сквозь зубы прошипел Касторский.

Были у прапорщика в роте и любимчики, которых он всячески опекал и лелеял. Ими, как правило, оказывались хлопцы, призванные из соседних областей, родители которых довольно часто приезжали и всячески «подмазывали» старшину роты свежими домашними продуктами и, главное, – крепкими спиртными напитками. Таких курсантов он старался редко ставить в наряды, частенько отпускал за территорию части и даже неформально обращался по именам, в то время как имен бойцов первого взвода, бывших студентов, он, казалось, даже не знал. Приехавшая снова за месяц до окончания учебки моя девушка в этот раз уже по своей инициативе привезла целых две бутылки водки и одну дорогого хорошего вина. Одна, естественно, попала старшине, другую я прикопал в укромном месте на территории части, чтобы позже угостить друзей, а вино предназначалось замполиту, который принять подарок отказался, снова угостив нас легким алкогольным коктейлем, сделанным по своему особому рецепту. Когда мы возвращались в часть после недельного увольнения, щедро подаренного добрым командиром взвода, девушка неожиданно вспомнила про эту бутылку и настоятельно потребовала не брать ее с собою в часть, боясь, что я обязательно напьюсь и нарвусь на большие неприятности. Я спорил, доказывая, что не такой уж и простофиля (к этому сроку службы мы уже научились пить аккуратно, не попадаясь на глаза командирам), а затем, окончательно разозлившись, бросил злосчастную бутылку далеко вниз с высокого снежного холма к реке, чтобы прекратить зарождающуюся ссору. (Сколько народу после этого долго лопатило снег на холме, когда я, промежду прочим, рассказал сослуживцам об этом! Но бутылку так и не нашли. А может, кто и нашел, но не признался?)

Спрятанную горилку, как принято было называть водку в тех местах, выпить с друзьями никак не получалось. Помня о последнем «магарыче», Касторский особо мне не досаждал, но каким-то природным чутьем пьяницы, по-видимому, догадывался, что у меня что-то должно быть припрятано после отъезда невесты, поэтому в один из вечеров, когда я долго не мог смириться с нарядом дневального по роте, позвал меня в каптёрку. Там же находился один из его доверенных сержантов, а на столе стоял запечатанный посылочный ящик.

– Видишь, Санин, посылку? Это от нашего общего знакомого курсанта Борисова, который моими стараниями находится в отпуске у себя дома в Калининграде. Посылка запечатана, но я знаю, что там находится соленая рыба, потому что его родители выслали ее для меня еще до его отъезда. Я хочу вскрыть ее в твоём присутствии и при сержанте Бутко, чтобы вы убедились в этом. А если там находится что-то кроме этого для самого Борисова, то мы трогать не будем и сохраним до его приезда. Ты понял?

Я сказал, что понял. Когда открыли посылку, то мы увидели, что она действительно доверху наполнена аппетитной соленой рыбой, а кроме того на дне покоились четыре банки хорошего импортного пива.

– Ну и дураки же люди! – искренне возмутился прапорщик. – Этих ссак и у нас полно! Лучше бы доброй калининградской горилки положили. Надеюсь, ты понимаешь, Санин, что пиво тоже мне предназначено?

– Ясное дело, – ответил за двоих сержант, непроизвольно проглотив слюну, – что за рыба без пива!

– Но горилка все равно лучше, – возразил прапорщик, – тем более что рыбёха вона какая жирная! А пивом разве что «полирнуть» потом... Верно я говорю, Санин?

Я хоть так и не считал, но, естественно, согласился.

– Где бы теперь горилки взять? – озабоченно сокрушался Касторский, хитровато на меня поглядывая. Проявляй смекалку, Санин. Настал твой звездный час!

– Будет вам горилка, – пришлось мне раскошелиться, понимая, что и вправду эта подачка уже навсегда поможет мне избавиться от козней проходимца, – через пятнадцать минут.

– Вот это по-нашему! Настоящий солдат! – восторженно воскликнул старшина роты. – Давай, ждем тебя здесь, но чтобы ни одна сволочь...

Когда я принес бутылку, старшина роты и вовсе расцвел от удовольствия:

– Все, Санин, теперь ты находишься под моим покровительством! Ни в какую за границу не поедешь – в учебке сержантом останешься. Нам такие хлопцы позарез нужны. Бутко, разливай на троих. Бери рыбу и пей, Санин, не стесняйся!

– Товарищ прапорщик, я ведь наряд еще не сдал...

– Я за тебя сдам, – отмахнулся Касторский, – пей!

Из-за непредсказуемой обстановки, в которой пришлось выпивать, водка перекрыла дыхание так, что я вынужден был лихорадочно отбивать спазм сочной соленой рыбой, на что Касторский снисходительно заметил:

– Ничего, будешь дружить со мной, пойдет как молоко для младенца. А теперь иди отдыхать и не светись в роте.

7. Привет, Чехословакия!

– И что, после этого ты все равно загремел сюда? – нетерпеливо перебил Литовченко. – А, понимаю, получив расположение старшины роты, ты потерял его в лице замполита или еще кого повыше? И вообще не понимаю, как могла водка стать поперек горла у такого закаленного студента как ты? Насколько я знаю...

– Ты прав, дружище, но только насчет водки. Приходилось пить и не в таких условиях даже в той же учебке. А вот насчет расположения все не так-то просто. Думаю, старшина по-прежнему ненавидел меня и никоим образом не желал видеть в своей роте образованного сержанта, да еще и склонного к справедливости. Представляешь, как бы он со мной намучился? Но тогда я поверил ему, тем более что до самого отъезда он меня больше не трогал, а напротив закрывал глаза на любые даже серьезные, по его мнению, проступки.

Ближе к окончанию службы в учебном подразделении многие распоясались не на шутку. Участились залеты в самоволках и случаи откровенного пьянства среди курсантов. В самоволки по девкам я, конечно, не ходил – не было ни необходимости, ни желания, а вот от выпивки не отказывался.

Однажды в честь международного женского праздника офицеры части заказали в поселке кафе, а наш ансамбль, естественно, музыку обеспечивал. Вот это праздник получился, скажу я тебе! И больше даже не для офицеров и их жен, привыкших к такого рода торжествам, а для нас. Оторвались мы тогда на полную катушку! Пьяные офицеры неожиданно стали добрыми, словно и вправду отцы родные: соревновались, кто больше нам на эстраду изысканной жратвы со стола принесет, втихаря и по рюмахе налили. Плясали до двух часов ночи, а когда разбежаться начали, на столе столько всего осталось, что можно было весь взвод еще накормить и напоить! А нам нужно было автобус дождаться, аппаратуру погрузить... Последним командир части уходил. Глянул в растерянности на нас, потом на стол, понимая, что мы этого так не оставим (не жалко, просто испугался, что напьемся), и не знает как поступить. Спасибо вышестоящее руководство, то есть жена, схватила его за шиворот и потащила на выход, обыывая пьяным боровом и другими непотребными словами, хотя по сравнению с другими он еще нормально держался. У самого выхода сумел таки тормознуться, оглянулся и безнадежно так попросил:

– Хлопцы, вы только не очень... По-братски прошу!

– Да двигай уже! – и снова получил пинок от жены. – Солдатикам тоже расслабляться нужно. Не все же вам, кровопийцам...

Ну, тут, конечно, мы и расслабились! Не спеша выпили, закусили, быстро побросали аппаратуру в автобус и снова вернулись, чтобы с собой еще чего прихватить. С сумкой в часть не пойдешь – могут и тормознуть на КПП, а только то, что на себе унести сможешь. Многие стали по карманам котлеты да курей рассовывать, а я подумал – всего не унесешь, но главное – это выпивка, чтобы друзей угостить. Некоторые однозвонники уже и вкус спиртного забывать стали, а кормили в учебке и так неплохо. Две бутылки коньяка в рукава шинели засунул, чтобы уж точно не нашли в случае шмона, а пару бутылок водки по карманам – отберут не так жалко. Но обошлось – сержанты в два часа ночи мирно спали, а солдат солдата не обидит.

Пришел я в казарму, хоть и немного навеселе, но понимаю, что все должно быть тихо, без суеты, чтобы дежурный по части не заметил, и сержанты не проснулись. Первым начал потихоньку будить своего лучшего друга Серегу Ковалева, самого старшего и авторитетного из нас, который в отличие от всех умудрился в учебке ефрейторские лычки получить.

– Что случилось? – не открывая глаз, недовольно поинтересовался он.

А мне поприкалываться захотелось. Это здесь бойцы воротнички вечером не спеша пришиваются и бреются, а в учебке часто не успевают и делают это ночью.

– Ты подшился? – спрашиваю.

– Да. Дай поспать!

– А побрился?

– Побрился. Отстань!

И тут я достаю две бутылки водки из карманов и тихо ими так звякаю у него над ухом. Серегу аж подкинуло.

– Откуда?

– От верблюда! Пить будешь?

– Кто ж откажется?!

– Тогда тихонько одевайся и наших буди.

Минут через пять собрались на совет бывшие студенты.

– Где пить будем? В казарме точно спалимся, а по части шастать в поисках укромного места и вовсе опасно.

– Может, в туалете?

– С ума сошел? Еще я среди толчков не пил!

(Туалет располагался на улице).

– В курилке и за казармой точно не получится – фонари везде.

– Да, похоже, и вправду в туалете придется...

– Ну, в туалете, так в туалете... Только выходить по одному, а то подозрительно будет.

И кружки свои не забывайте.

Минут через пятнадцать собрались все восемь бойцов с высшим образованием – «малолеток» развращать не стали, да и спиртного на такую ораву не напасешься.

– Есть и водка, и коньяк, кто что желает.

– Ух ты!

– По мне хоть барматуха, лишь бы вставило!

– Наливай, что под руку попадется!

Когда кружки были слегка наполнены, вопрос встал и о закуске.

– Артем, а из хавчика прихватил чего?

– Что у меня шинель резиновая? Там выбирать приходилось – либо пойла побольше, либо поменьше, но с закусоном. Чем бы я такую ораву напоил, если бы бутербродами шинель нашпиговал?

– И то верно.

– Ах да! Горсть конфет еще в начале вечеринки со стола сгреб на случай, если кормить не будут. Как раз по конфетке на рыло. Хотя, нет, одной не хватило... Но мне-то уже не надо! Я накушался дня на три! Пейте, мужики! После первой и туалет баром покажется.

– Может, воды принести из казармы для запивона? – предложил кто-то.

– Да пейте уже, пока не спалились! – возмутился Ковалев. – По мне так я могу и коньяк водкой запить на худой конец...

Никто из нас, прожженных в этой жизни, конечно, с пьянкой не попался, а вот четверо молодых однажды не рассчитали и влетели на полную катушку! И знаешь, дружище, какое им наказание Касторский придумал? Ты сейчас со стула упадешь! Освободил от службы, но приказал до конца учебки до дна выгребную яму в туалете вычерпать! И представь, побоялись ослушаться! Опустили туда лестницу, и так ведрами дерьмо вычерпывали, передавая по цепочке в цистерну. Им даже стол отдельный в столовой выделили из-за невыветриваемого характерного запаха. «А не будете черпать, – пугал Касторский, – всех отправлю служить за полярный круг!» Говорили, что были у нас и такие распределения.

– И что, так и черпали до конца? – ужаснулся Литовченко.

– Нет, недели на две хватило. А потом бросили. Пусть хоть на Северный полюс, хоть в Антарктиду посылают.

– Да, жестко у вас там было, не то, что здесь. Но, все же почему тебя в учебке не оставили?

– Ну, почему, я тебе свои догадки уже озвучил, а как случилось, прямо детектив получается. Объявили нам, что завтра первые четыре человека отправляются в Чехословакию, но кто – вечером объявят. Тут же замполит мне и шепнул, что я в этой команде.

– Запасным поедешь, – уточнил.

– Это как?

– Если кто-то по каким-либо причинам не проходит за границу, то всегда должен запасной присутствовать. Только с высшим образованием тем более не возьмут. Даже не знаю, почему на тебе остановились, может, чтобы этих четырех точно забрали? Скорее всего. Я ведь точно знаю, что тебя в учебке оставить хотят, хотя всякое может быть. Касторский вас сопровождает, а от него всего можно ожидать. Ему сержанты ручные нужны.

– А он утверждал, что напротив...

– Касторскому поверить – все равно, что бдительность потерять в военное время, – грустно возразил замполит, – так что будь начеку. Мне, если честно, не хотелось бы с тобой так быстро расставаться. Зная эту хитрую и проницательную свинью, я не удивлюсь, если завтра ты за границей окажешься, хотя, конечно, нужно надеяться на лучшее.

Прощались мы на всякий случай, а вечером на построении Касторский выходит со списком и торжественно так с огромными паузами объявляет фамилии бойцов, которым необходимо пришить лычки младших сержантов, получить паек на двое суток, собрать вещмешки и быть готовыми к отъезду. Четверых назвал и, выдержав очень значительную паузу, когда все уже подумали, что список закончился, обозначил меня.

– Что, Санин, не ожидал? – тут же ехидно прокомментировал.

Зная все заранее, я, конечно, никак не среагировал, только усмехнулся ему в ответ, типа, меня этим не проймешь, хотя на душе стало беспокойно.

В этот вечер, собрав все необходимое для отъезда, я решил хорошенько выспаться, но меня разыскал Ковалев, сообщив, что наш зам. командира взвода старшина Примак приглашает за чем-то в канцелярию. Зайдя туда, мы увидели некоторых сержантов взвода, которые собирались на дембель этой весной.

– Присаживайтесь, хлопцы, – пригласил Примак, отличающийся до этого строгостью и педантичностью, и, обращаясь к не менее суровому Бутко, распорядился, – наливай, Петро.

На обшарпанном столе тут же появились граненые стаканы, сало, репчатый лук и хлеб, а также огромная стеклянная емкость с мутноватой светлой жидкостью, именуемой на местном наречии перваком.

– Учеба ваша подошла к концу, – констатировал Примак, – неплохо бы и отметить это дело. Ну, вздрогнули!

Осушив стаканы, которые тут же снова наполовину были наполнены натренированной рукой Бутко, Примак с незнакомой доселе интонацией в голосе обратился к нам с Ковалевым:

– Вы, хлопцы, не обижайтесь, если что не так было. Мы ведь требовали с вас все по Уставу, а если и нагубили когда, извиняйте. Вы сами теперь младшие командиры, так что должны понимать, и вести себя соответственно, когда в войска попадете. Возьмите адреса и обязательно напишите, как служба. Может, и совет дельный дадим. Помните, я перед строем как-то зачитывал письмо одного из наших бывших курсантов, как он мне спасибо говорил за армейскую науку и извинялся, что не слушал, а только злился, считая, что я придирался к нему? А вы еще посмеивались, какой подхалим и лицемер! Помните, он меня в письме по имени называл, а не по званию и фамилии? А вы хоть помните, как меня зовут?

– Старшина Примак! – почему-то решил съязвить Ковалев.

– Василием, Васей, – ничуть не обиделся Примак, – так впредь и обращайтесь. Наливай, Петро, по третьей, и хватит на сегодня, а то неровен час залетят мужики накануне отъезда, да еще по нашей вине... И спать!

– И ты знаешь, Вова, – расчувствовался Санин, – эти полчаса беседы стерли у меня из головы все накопленные до этого обиды и даже душевные травмы, полученные в учебке не только от младших командиров, но и всех вообще. А прапорщик Касторский на какое-то время показался просто жалким запутавшимся дурачком в своем рвении повелевать людьми и решать их судьбы по своему усмотрению. В этом, по-видимому, и есть то, что мы называем необычным проявлением русской души. Только не хмурься – под русской я понимаю и украинскую, и белорусскую, и казахскую – все наши общие армейские души.

А на следующий день, следуя своему ловкому плану, Касторский, конечно, избавился от меня, приказав одному из солдат под страхом смерти оставаться в машине, а «покупателям»⁹ доложил, что больше у него никого в наличии нет. Забирать меня в Чехословакию или нет, споры, похоже, продолжались долго. В конце концов, ко мне подошел какой-то полковник и по-отечески спросил:

– А сам-то ты, сынок, хочешь служить за границей?

Не желая показаться упрямым или разборчивым, а также продолжать службу под началом прохиндея-прапорщика, я сказал, что да. И правильно сделал, как потом выяснилось. А через полгода узнал от вновь прибывшего из нашей учебки курсанта, что, дослужившись до старшего прапорщика, Касторский спешно оставил военную службу, когда его по разнарядке хотели отправить служить в Афганистан. Под его личиной, оказалось, скрывался убежденный пацифист.

– Странно, а почему ты мне раньше ничего этого не рассказывал? – удивился Литовченко.

– Так ведь я не знал, что ты в прапорщики подашься!

– И что?

– А то, чтобы не стал прапорщиком Касторским!

И оба от души заржали.

⁹ «Покупатели» - так было принято называть военнотружущих, командированных для отбора солдат и сержантов в воинскую часть.

8. Юра Шулаков, Люба из Калинина и другие

Часов в пять вечера в комнату общежития снова завалила разношерстная абитуриентская публика. Среди них оказались и ранее незнакомые девушки, в то время как желанная Санину Любаша почему-то отсутствовала, а он постеснялся спросить почему.

– Ну, быстренько накрываем на стол, – руководил Гиа, – и продолжаем готовиться к поступлению. Есть возражения?

Возражений не поступило даже от усердного Сергея, у которого все же не забыли поинтересоваться, что из себя представляют подготовительные курсы.

– Ну, в общем, как в школе. Рассказывали, как контрольные решать, образцы дали...

– Захватил с собой? Молодец! Завтра покажешь. А сегодня нужно вчерашнее закрепить, немного расслабиться, привести мозги в порядок, да и познакомиться поближе. А с завтрашнего дня учиться, учиться и учиться! И главное, в одну группу попасть на экзамене, чтобы друг у друга списать можно было. Кто сегодня за виночерпия? Разливай!

После первого продолжительного тоста, который на этот раз озвучил Виген, некоторые из присутствующих вновь разбились по парам, как и накануне на пикнике, при этом Жора, обнимая Анжелу, вновь прилюдно жаловался, что она отказывается выходить за него замуж. Пришедшую с гитарой Люду стали упрашивать спеть, но она, скромно потупясь, попросила Санина исполнить вчерашнюю «Корриду», так как до конца не запомнила слова.

Пел он от всей души, проникновенно, часто с грустной улыбкой заглядывая в глаза девушкам, а, когда закончил, попытался вновь вернуть гитару хозяйке. Но не тут-то было – его настойчиво стали просить спеть что-нибудь еще из своих сочинений, желательно вчерашних, но он не переставал удивлять новыми, которые, как мог, чередовал между грустными и веселыми. Вскоре к нему подскочила незнакомая девушка с решительным лицом, о которых часто говорят «своего не упустит», и Артем не заметил, как уже держал на одном колене гитару, а на другом – непрошенную гостью, отстраниться от которой посчитал бестактным. И только через некоторое время он вдруг заметил серьезный до суровости взгляд незнакомого парня, стриженного не по моде почти наголо, выглядевшего несколько старше присутствующих, который не спускал глаз с Артема и его спутницы, а когда песня закончилась, Санину показалось, что незнакомец привстал и собирается к ним подойти.

– Ребята, это мой знакомый Юра Шулаков, – поспешила представить его девушка, – он здесь живет неподалеку и уже учится на четвертом курсе. Ничего, что я его пригласила?

– Конечно, Вика, – послышались со всех сторон одобрительные возгласы, – мы все здесь будущее студенческое братство!

И парень снова сел на место, но ненадолго. Когда гитара перешла к Люде, а затем к Колосову для исполнения известных коллективных песен, он снова, не привлекая общего внимания, приблизился к Санину и тихонько предложил:

– Пойдем, выйдем?

– Пойдем, – предчувствуя недоброе, но боясь прослыть трусом, согласился Артем, который уже успел проанализировать нехитрую связь между девушкой на колене и незнакомым парнем.

Под общий шум, исчезновения ребят никто не заметил, разве что Вика, которая значения этому не придавала, хотя и с кислой миной покинула место своего пребывания.

– Может, вдоль Клязьмы прогуляемся? – предложил парень. – Красивые места!

– Прогуляемся, – согласился Артем.

– У меня здесь дача на берегу. А учусь я не в МИТИ, а в Бауманском¹⁰. Слышал о таком училище?

– Нет, – осторожно отвечал Санин, – я не местный.

– А откуда?

– Из Курской области. Город Миловежск, слышал о таком?

– Теперь, да.

– Далеко?

– Километров пятьсот отсюда.

– Далековато. А вот моя дача. Зайдем?

– Может, в другой раз? – все больше удивлялся Санин.

– Ну да, в такую прекрасную погоду лучше на Клязьму полюбоваться. А за ней лес и дачи американского посольства. Я просто хотел показать, где я живу, чтобы ты смог в любое время прийти, когда захочешь. Мои двери для тебя всегда открыты.

– А как же Вика? – совсем сбитый с толку решил, наконец, разобраться в происходящем Артем.

– Какая Вика? – совершенно искренне наморщил лоб Шулаков. – Ах, Вика! При чем тут Вика? Меня ты вообще-то интересуешь. Как композитор, поэт, гитарист. Знаешь, я ведь тоже стихи пишу. У меня что-то вроде Высоцкого получается, наверное, потому, что я его очень люблю. А вот на гитаре научиться как-то не пришлось... Говорят, он на трех аккордах свои песни исполняет. Ты бы смог мне их показать, ну, и вообще поучить хотя бы немного...

– Трех маловато будет, – без тени снисхождения пояснил Санин, – особенно для Высоцкого. На трех аккордах разве что блатняк сбавать получится, да и то примитивный.

– А сколько нужно? – расстроился Юра.

– Ну, пять-шесть хотя бы.

– Шутишь?

– Почти нет. Когда начнем учебу, сам увидишь. Но лучше, конечно, побольше.

– Значит согласен?

– Почему бы и нет! Мне это даже интересно. А что за училище и далеко ли отсюда?

– Высшее техническое имени Баумана. В центре Москвы находится. Метро Бауманское знаешь?

– Значит солидное училище, раз в самом центре. И кого готовит?

– Тоже инженеров, но в космической отрасли.

– Ничего себе! Космонавтов что ли? – пошутил Санин.

– Инженеров на уровне космонавтов, – серьезно ответил Шулаков, – впрочем, это не важно. Стихи мои не хочешь послушать?

– Сейчас? Конечно, хочу!

И Юра, моментально превратившись в самую серьезность, хотя в глазах и блистали лукавые нотки, действительно в стиле Высоцкого почти запел, в точности копируя известный с хрипотцой голос:

– «Ох, тоска моя!

Лихомань-судьба,

Ты заборов своих понаставила:

То в хмелю бредешь,

Молча брагу пьешь,

То как сыч орешь,

Или баб трясешь...»

¹⁰ Подразумевается высшее техническое училище им. Н.Э. Баумана

И далее следовало описание разгульной и никчемной жизни молодого современника, олицетворять которого с автором Санин бы поостерегся, ибо видел перед собой личность, хоть и оригинальную, но далеко не непутевую, явно не глупую и, наверняка, обладающую самобытным талантом. А заканчивалось стихотворение-песня такими словами:

«Нужно тихо жить,
Нужно воду пить,
Видеть только дорогу пологую...
Но туман густой
Затмит разум мой
И мешает идти той дорожкой».

– Ну, как? – откашлявшись, чтобы вернуться к своему природному голосу, сразу же поинтересовался Шулаков.

– Мне понравилось, – честно признался Санин, – и действительно очень похоже на Владимира Семеновича. Я ведь тоже многие его песни пытаюсь петь, только своим голосом. «Баньку», к примеру...

– О, это моя любимая! – воодушевился Юра и, моментально вжившись в образ, не забывая менять голос, прохрипел с надрывом. – «А на левой груди профиль Сталина, а на правой – Маринка в анфас...» А еще хочу спеть под гитару «О, где был я вчера – не найти днем с огнем...» Научишь?

– О чем речь! Когда начнем?

– Ну, ты пока готовься, поступай в институт, а там я тебя найду. Дача знаешь теперь где... Я до осени на юга решил рвануть, видишь ли, а потом и свидимся.

– Мне бы главное поступить, – погрузнел Санин, – а уж песен мы с тобой вдоволь напоем.

– Не бойсь, поступишь, – успокоил Шулаков, – это не то учебное заведение, чтобы сверхъестественными премудростями обладать. Я каждый год наблюдаю за вашими студентами, потому что привлекает их раскованность и беспечность. Не то, что у нас в Бауманке, где половина шизиков на почве науки. Да и девчонок здесь симпатичных полно, а главное – без комплексов. Только в пьянки-гулянки сильно не ударяйся – ничего не хочу плохого сказать про кавказцев, они ребята достойные и друзья отличные, но у них часто все здесь схвачено, а ты можешь рассчитывать только на себя.

– В каком смысле?

– В смысле на свои знания и мозги. У тебя ведь папа не замминистра случайно?

– Нет. А у них кто?

– Тоже никто, но, как у Владимира Семеновича «...у них денег куры не клюют, а у нас на водку не хватает!»

– Я уже заметил, что в Москве принято говорить загадками, – надулся Артем.

– А лучше это делать всегда и везде! – полушутя посоветовал Шулаков. – Впрочем, не воспринимай близко к сердцу – всегда оставайся самим собой. И люди к тебе потянутся. Пойдем, провожу до общаги!

Посетив на следующий день вместе с Сергеем подготовительные курсы, Санин воочию убедился, что ему они, по крайней мере, не нужны. Имея за плечами неплохую школьную подготовку по математике и физике, спасибо честным и талантливым учителям, он решил, что попросту зря потратит время. Существующий в то время всесоюзный эксперимент позволял при поступлении в вуз, при наличии не ниже 4,75 баллов успеваемости в школе сдать всего два первых экзамена, при условии получения не ниже 9 баллов. Если же на первых двух экзаменах абитуриент не набирал их количество, то сдавал, как и все еще два. Первыми были математика письменно и математика устно. Далее следовали физика устно и сочинение. Как правило,

учащиеся склонные к точным наукам более всего боялись сочинения, ибо, как известно, вундеркинды-всезнайки в природе попадаются редко. Поэтому, как и все поступающие, имеющие льготный бал, в том числе и Санин, надеялись, что им удастся проскочить на первых двух. Вот он и налегал весь выпускной класс на математику, а когда в качестве перестраховки родители приставили ему репетитора из числа вузовских профессоров по указанному предмету, тот через пару занятий даже не стал тратить на него время, заверив, что в этом нет необходимости.

Впрочем, страх провалиться все равно присутствовал, не смотря на сравнительно невысокий проходной бал – три человека на место. Но в душе Санин все-таки если не надеялся, то мечтал отделаться «экспериментом», чтобы поменьше потратить нервов и побольше отдохнуть дома до начала учебы в институте – после успешной сдачи двух экзаменов зачисленных отпускали домой, не дожидаясь решения приемной комиссии. Провалиться стыдно еще было и потому, что старший брат к тому времени с отличием окончил Харьковский государственный университет и защитил кандидатскую диссертацию, а сестра, никогда не блещущая тягой к знаниям, Московский юридический и успешно оказывала правовые услуги в одной из столичных адвокатских контор.

Кстати, чтобы не злить ее больше своим отсутствием, Артем решил все-таки на какое-то время покинуть гостеприимное общежитие №4, о чем, придя с занятий, сообщил своим новым друзьям. Последние явно расстроились, ибо действительно решили оставшийся месяц посвятить известному ленинскому принципу, надеясь, что Санин им в этом поможет. Кроме того творческие вечера с культурным отдыхом никто отменять не собирался, впрочем, он обещал непременно заезжать при первой же возможности.

Когда Артем выходил из общежития, то неожиданно встретил Любу, которая искренне обрадовавшись, сразу же схватила его за руку и потащила на ближайшую лавочку в тень отцветающей, но по-прежнему сказочно пахнувшей буддлеей¹¹, отдаленно напоминающей сирень.

– Далеко собрался?

– В Москву.

– Вернешься сегодня?

– А почему ты спрашиваешь? – стараясь быть хмурым, обижаясь на ее вчерашнее отсутствие, промычал Артем.

– А ты не догадываешься?

– Нет. Обещала вчера вечером к нам прийти, а сама...

– Ну, не смогла.

– А, может, не захотела?

– Не захотели... – неожиданно нахмурилась она.

– Я не понимаю...

– Покурим, что ли? – неожиданно предложила она, доставая две длинные дамские сигареты. – Я тебе сейчас разомну, а то ты не умеешь.

– Почему же? Умею.

– Ну, я же видела...

– Что видела?

– Что не куришь, а потому нечего начинать! – выпалила она и с неожиданной злостью бросила уже размятую сигарету в кусты.

– Что с тобой? – испугался Артем.

– А ничего! Моралистов вокруг развелось, хоть пруд пруди, а сами лезут со своими граблями, куда только можно. А у меня, может, в первый раз такое...

– Кажется, я понимаю, – начал соображать Санин, вспоминая вчерашние предупреждения Олега и Жоры.

¹¹ Буддлея – род декоративного кустарника

– Ничего ты не понимаешь! – распалялась Люба.

– Но почему?

– Маленький еще потому что.

– Сама же говорила...

– А теперь беру свои слова обратно!

– Тебе, наверное, Олег с Жорой сказали, чтобы...

– Какая разница!

– Но, поверь, это все не имеет для меня никакого значения!

– Однако вчера ты не только не разыскал, но даже не поинтересовался, почему меня нет?

– Так почему тебя не было? – попытался исправить положение Артем.

– Теперь и сам догадался, чего спрашивать?

– Но сегодня все же пришла? Ты ведь к нам шла, верно?

– К вам. Точнее, к тебе. Потому что решила наплевать на запрет твоих друзей и что они обо мне подумают. Надоело жить по ханжеским принципам, как бы их не пытались представить! Одно лицемерие вокруг.

– Но я...

– А ты не такой... пока, – Люба неожиданно перешла на нежный шепот, – пока молодой и наивный. Хотя все еще впереди... Прошу, оставайся таким как сейчас всегда, если сможешь, конечно. Как в «Летучем голландце», как «Роботе и стиральной машине». В нашем мире так не хватает искренности, особенно в любви... Неужели они подумали, что я стану портить этого чистого, доброго, наивного и мечтательного мальчика?! Прости, что вылила на тебя всю грязь, что накопилась за последнее время! Ты не заслуживаешь этого, я знаю.

На какое-то время зависла неловкая пауза, позволившая под беспечное пение птиц и легкий шелест божественно пахнувшей буддией обоим перевести дух и успокоиться.

– Это хорошо, что ты уезжаешь. Я провожу. До станции.

И они пошли медленным прогулочным шагом, боясь приблизиться друг к другу даже на полметра, по тихой сельской улочке, так мило напоминающей родной Миловежск, что Санину ни о чем плохом больше не хотелось ни слышать, ни говорить. Эта тихая идиллия, похоже, действительно заставила их забыть только что кипевшие страсти и обиды, и им просто было легко и приятно оттого, что все гадкое и недосказанное вырвалось, выкипело, испарилось и осталось где-то позади.

– Может быть, все же разомнешь мне сигарету? – решил, наконец, заговорить Артем, когда они вышли на неширокую асфальтированную дорогу, ведущую к станции.

– Конечно! Я даже научу тебя делать это. Только нам нужно найти подходящее место, ты же понимаешь, что девушке неприлично идти по улице и курить у всех на виду? Даже такой как я.

– Прекрати! – поспешил упрекнуть ее Санин.

– Извини, я просто смеюсь.

На пути неожиданно открылись величественные расписные купола местного храма, возле которого, наверняка, в это время не было посторонних глаз, и они, не сговариваясь, свернули к нему. Присели на лавочку и закурили.

– А если сейчас выйдет батюшка и заругается? – предположила Люба.

– Батюшки не ругаются, а наставляют на путь истинный. Так что скандала не будет. А как ты думаешь, курение это грех? – искренне поинтересовался Артем.

– Если грех, то небольшой. У меня отец, когда сильно напивался, то почему-то постоянно засыпал на лавочке возле церкви. Я тогда еще совсем маленькой была, и мы с матерью вдвоем его тащили оттуда домой. Иногда и сам отец Виктор помогал. А мать его упрекала при этом: «Грех, батюшка!» А он отмахивался и говорил: «Но грех-то небольшой!» Отец помогал ему

по столярному делу, и то ли они вместе пили, то ли батюшка просто ему за работу наливал – по сей день не знаю. И спросить не у кого уже...

– Умерли? – ужаснулся Санин.

– Мать жива, но не общаемся мы с ней. Другая семья. Меня бабушка воспитывала. Она и в институт отправила учиться. Я хотела на фабрику устроиться, а она нет, говорит, тебе нужно на экономиста, чтобы интеллигентной стать и зарабатывать хорошо, а то пропадешь одна, когда меня не станет.

– А бабушка жива?

– Жива, здорова, слава богу. Только теперь расстроится, что не поступила.

– Так ты же еще не пробовала!

– Второй раз уже пытаюсь. Ничего, пойду в наш техникум Калининский на бухгалтера. Бухгалтера тоже неплохо получают, если в нормальную контору устроиться. Там моя родина, а своя земля, как известно, помогает.

– Может, позаниматься с тобой? Я в математике и физике кое-что соображаю.

– Да я тоже соображаю, только с русским языком не очень. В прошлый раз на сочинении и завалилась. Тем более что классику школьную не любила и не читала. Разве что про любовь несчастную. Могу трагедию Катерины из «Грозы» раскрыть или Анну Каренину по полочкам разложить, но даже если эти темы и попадутся, ошибок все равно наделаю.

– А я школьную классику тоже не люблю, хотя другими книгами с шести лет зачитываюсь. Поэтому свободную тему на экзаменах всегда выбираю. С грамотностью нормально – зрительная память.

– Здесь не советую.

– Почему?

– Или ошибок понаделаешь, или решат, что ты тему не раскрыл. Я вообще не понимаю, как можно писать на свободную тему? Из головы что ли?

– Да хоть из головы! Но можно и цитаты приводить. Зато из тех произведений, которые любишь и понимаешь.

– Верная двойка! Классику хотя бы списать можно, если повезет.

– Впрочем, это я так, на всякий случай решил. Надеюсь все-таки на «эксперимент». У меня аттестат хороший.

– Надеяться на лучшее, но готовиться к худшему!

– Ничего, как-нибудь прорвемся! И ты эти пораженческие мысли из головы выкинь.

– Да я, собственно, и не паникую. Просто реально смотрю на вещи. Как и на тот факт, что мы даже друзьями не сможем в будущем остаться...

– Ты снова за старое?

– Пацаны твои правы – слишком большая пропасть между нами. Но не сердись только! Я об этом сожалею, а не желаю. И давай больше не будем...

И словно прощаясь навсегда, Люба крепко обняла его и поцеловала, обильно обмочив слезами.

9. Вступительные экзамены

Как принято у идеальных хозяек Вера встретила Артема во всеоружии:

– Мой руки и быстро за стол!

– Дай отдышаться хотя бы, путь-то неблизкий.

– Это по вашим провинциальным меркам, а у нас, как у собак, полтора часа не крюк!

Что там с занятиями?

– Ну, иногда показываться бы не помешало, – на всякий случай соврал Санин, – а в общем, ничего для меня нового.

– Вот и хорошо, нечего туда-сюда мотаться. Лучше у нас поживешь, Москву посмотришь. Олег тебя по всяким интересным местам поводит, он это любит. Кстати, кажется, явился благоверный. Хоть бы трезвый!

Олег, как уже упоминалось выше, симпатичный добродушный парень, действительно частенько мог позволить себе прийти «подшофе», что являлось, несомненно, издержками его профессии. Занимая довольно бластную должность мясника одного из самых престижных в столице гастрономов на Калининском проспекте – «Новоарбатском», он отоваривал из подвала дефицитным продуктом многих московских знаменитостей, в основном, служителей Мельпомены, с которыми запросто общался на равных, хотя имел всего восемь классов образования. При этом он никогда не зазнавался, не считал себя кем-то особенным, но и своих клиентов не склонен был выделять среди общей массы покупателей в силу своего происхождения – скромного коренного москвича. Конечно, у него, как и у всех работников торговли, не смотря на мизерную зарплату, имелся определенный неучтенный ежедневный приработок, который периодически в кругу коллег пропивался. Жену свою он боготворил, а она, относилась к нему иногда просто с оскорбительным равнодушием, которого он, к счастью, не замечал. «Просто в Москве хотелось остаться», – как-то доверительно поведала она Артему.

Третьим членом семьи Брагиных, как они именовались по фамилии мужа, являлся трехлетний Вася, спокойный и сосредоточенный малыш, не имеющий дурной привычки досажать взрослым, предпочитающий вести замкнутый образ жизни, этакий маленький взрослый мужичок, довольно неглупый для своего возраста и явно склонный к прагматичному складу ума. К примеру, на просьбу матери: «Попроси папу, чтобы не пил», – Василий, не задумываясь однажды ответил: «Это его проблемы». А, когда его отдавали в детский сад, для проформы спросили, желает ли он, удивленно изрек: «Как же я могу знать, если я там еще не был?»

Все члены семьи Брагиных искренне желали, чтобы Артем проживал непременно у них, а Олег даже после ужина незаметно сунул ему в карман десятку, что по тем временам особенно для не зарабатывающего молодого человека являлось целым состоянием.

– Это на кино и мороженное, – просто пояснил он, – а когда у меня будет выходной, вместе сходим на какую-нибудь премьеру. Мне часто контрамарки дают.

Кино Санин любил также, как и книги, поэтому, когда выбирался из дома, то первым делом бросался к афишам, расположенным, как правило, на каждой остановке общественного транспорта. Когда он впервые увидел, что в Москве функционирует более ста постоянных кинотеатров, то просто не поверил своим глазам. Конечно, он тогда еще не представлял огромной площади столицы, но когда наличие метрополитена позволяло максимум за 40-50 минут добраться до любого из них, при том, что большинство располагалось непосредственно у станций, Санин просто не мог отказать себе в удовольствии пользоваться возможностью ежедневно смотреть новые или пересматривать старые любимые фильмы. Несомненно, В.И. Ленин был прав, когда говорил, что кино – это важнейшее из всех искусств.

Однажды Олег сообщил ему, что у него имеется две контрамарки на показ нового фильма в Доме кино, правда, не знает какого, но это было неважно. Попросил одеться получше и заехать к нему на работу к шести часам вечера. Артем с радостью согласился.

Он уже неоднократно гулял по Калининскому проспекту, заходил в «Новоарбатский», но ни разу не спускался в подвал, где находилось рабочее место мужа сестры. Застал он Олега в окровавленном белом халате с огромным топором в руках за разделкой толи свиной, толи говяжьей туши – в этом Артем не разбирался, хотя впервые обратил внимание, что мясо может существовать оказывается и отдельно от костей, чего на прилавках в то время практически не наблюдалось. Только в семье Брагиных он впервые услышал слово вырезка, а теперь воочию смог увидеть, как она рождается под ловкими ударами ножа и топора свояка. Олег не отличался богатырским телосложением, но делал свое дело настолько виртуозно, что Санин невольно залюбовался, хотя и периодически морщился от вида свежего мяса и обилия крови вокруг.

– Подожди немного, – попросил Олег, – сейчас закончу, и поедем. Если хочешь, можешь на выходе постоять.

Минут через двадцать Олег появился из узкой подвальной двери облаченный в модные синие джинсы, кроссовки «Адидас» и стильную кожаную куртку. По сравнению с ним Артем, конечно, выглядел несколько бледновато – джинсовый костюм, доставшийся от брата, явно выглядел с чужого плеча. «Ничего, – успокоил себя Санин, – когда стану студентом, родители ничего не пожалеют». Впрочем, не успели они и на шаг отойти, как, появившийся из подвала следом какой-то солидный дядька, возможно начальник, вернул Олега.

– Машина с маслом неожиданно пришла, – пояснил Олег, – нужно разгрузить. Это недолго. Поможешь?

Санин, естественно, согласился.

Дело это оказалось совсем нетрудным. Из будки, подъехавшей к небольшому отверстию в стене, за которым находился гладкий спуск в подвал, они доставали аккуратные картонные коробки и не спеша пускали по этому нехитрому транспортеру.

– Французское, – доложил Олег.

На все ушло не более двадцати минут, после чего тот же дядька поблагодарил «грузчиков» и выдал по десять рублей каждому. «Неплохо!» – мысленно удивился Артем, а Олег при этом удовлетворенно заметил:

– Теперь на такси поедем, а то опаздываем.

У входа Дома кино, куда они домчались с ветерком, их ожидал солидный мужчина в «кожанке» с аккуратной бородкой, который уважительно обратился:

– Проходите, Олег Сергеевич.

– Что, уже фильм начинается? – поинтересовался тот.

– Сначала презентация.

– Тогда мы с другом постоим, покурим.

Бородатый возражать не стал и молча скрылся за дверью.

– Говорильня, короче, – пояснил Олег, – скукотень.

Санин, конечно, расстроился, что из-за пресыщенного родственника не сможет попристутствовать на наверняка интересном действе, но возражать постеснялся.

Через некоторое время бородач снова выглянул из-за двери и вкрадчиво прошептал:

– Олег Сергеевич, фильм начинается.

– Вот теперь пошли, – снизошел, наконец, Олег.

Демонстрировали в тот день «Сватовство гусара»¹², и Санин с огромным удовольствием наблюдал за развитием событий на экране, но еще большее удовольствие он получал оттого,

¹² «Сватовство гусара» — [советский](#) художественный [комедийный фильм](#) режиссёра [Светланы Дружининой](#) по мотивам

что присутствует при самом первом, закрытом показе фильма. Ведь где-то рядом, в темном зале находились и его создатели, включая режиссера, сценариста, актеров, но так как друзья заходили в темноте, Артем их так и не увидел, ибо, как только фильм закончился, и начались обсуждения, Олег снова потянул его на выход, а Артем вновь постеснялся возражать.

– Хороший фильм, правда? – выдал свое резюме Олег на улице. Мнения критиков и иных специалистов его, похоже, не интересовали.

– Ну, да, – согласился Артем.

Нельзя, впрочем, категорично утверждать, что Олег совсем ни к чему не стремился, собираясь прожить всю жизнь простоватым и необразованным парнем. Однажды за ужином он гордо заявил, что поступил в вечернюю школу, чтобы получить наконец-то среднее образование. Естественно, присутствующие оценили этот серьезный шаг с должным восторгом, и воодушевленный похвалой отец семейства рассказал, что один учебный день за плечами уже имеет.

– Что же вы там проходите? – поинтересовался Артем.

– Какие-то пропорции, – скривился свояк, – не понимаю только, для чего они нужны?

– К твоей работе это как раз имеет прямое отношение! – попытался урезонить его Артем.

– Вот, к примеру, килограмм мяса стоит 3 рубля, а чтобы рассчитать стоимость 150 граммов, необходимо составить пропорцию.

– 45, – не задумываясь, произнес Олег.

– В смысле? – не сразу понял Санин.

– 45 копеек будет стоить 150 грамм.

– Правильно. Ты в уме составил пропорцию и рассчитал...

– Ничего я не рассчитывал, – пожал плечами Олег.

– Хорошо, усложняем задачу: килограмм мяса стоит 2 рубля 30 копеек. Сколько будет стоить 325 граммов?

– 90 копеек, – совершенно не напрягаясь, моментально выдал Олег.

– А вот и нет, – составив несложную пропорцию на салфетке, удивляясь скорости умственных расчетов профессионального продавца при поразительно малой погрешности, резюмировал Артем, – 89 копеек, если без дробей!

– Копейка в мою пользу, – усмехнулся Олег, – иначе без штанов останешься. И при чем тут пропорции?

Раздосадованный Санин еще не раз усложнил задачу, добиваясь, чтобы зять, в конце концов, не смог посчитать в уме и взялся за листок и ручку, но безуспешно! Каждый раз Олег лишь с небольшой погрешностью в свою пользу угадывал цифры с поразительной точностью.

– Как тебе это удастся? – наконец сдался Санин.

– Да я все это наизусть знаю, – сознался Олег, так и не поняв, что такое пропорции и для чего они нужны.

А однажды он признался Артему, что директор магазина в очередной раз предлагает ему вступить в партию.

– Ну, так соглашайся, – посоветовал Санин, – это большая честь!

– Разве можно так просто вступить в партию? – возразил Олег. – Вот если бы на фронте, перед боем, например, я бы попросил считать себя коммунистом! А так...

Изучая таким образом Москву по кинотеатрам, Артем также интересовался и столичными магазинами. Они поражали небывалым монументализмом, наличием доселе невиданных товаров и невероятными очередями. Не забывал заезжать и в Масловку, чтобы проведать друзей, которые, чем ближе становились вступительные экзамены, тем чаще углублялись

в учебники, хотя, возможно, этому способствовал не только страх провалиться, но и отсутствие денежных средств. Частенько Санину по просьбе абитуриентов приходилось выступать и в роли репетитора, чем он одновременно повышал и свой уровень знаний, однако страх перед испытаниями у него также присутствовал.

Так незаметно пробежало время, и 1 августа Санин вместе с остальными абитуриентами явился в институт, чтобы выдержать первый экзамен – решить контрольную работу по математике. Как это бывало и ранее, невероятное волнение улетучилось сразу же после того, как он получил свой вариант и штампованные чистые листы, сосредоточился и приступил к выполнению задания. Ничего сверхъестественного в предложенных пяти математических задачах он не увидел, спокойно решил все в черновом варианте, не спеша переписал в чистовик, внимательно все еще раз проверил и с облегчением посмотрел по сторонам. Лица окружающих его абитуриентов выражали у кого сосредоточенное спокойствие, у кого напряжение в разной форме, а у кого и безнадежное отчаяние. Каждый абитуриент в целях чистоты экзаменационных испытаний находился за отдельным столом, при этом никого из своих друзей Санин поблизости не увидел.

– Уже решил? – услышал он шепот с соседнего стола от незнакомого парня, который, судя по цвету лица, ставшего пунцовым от напряжения, испытывал определенные затруднения. – Поможешь?

– Давай, что у тебя там?

Круглолицый усатый крепыш с мольбой в глазах незаметно передал ему свое задание, на проверку и решение которого у Артема ушло не более десяти минут, после чего он таким же тайным образом вернул листки благодарному хозяину.

– И мне помоги, – услышал он аналогичную просьбу от абитуриента, сидящего позади, но тут бдительный преподаватель что-то заподозрил, быстрыми шагами подошел к Санину и заглянул к нему в листки.

– Уже справились? – вежливо спросил он.

– Да.

– В таком случае вам необязательно находиться в аудитории до окончания. Если вы уверены, что решили правильно, можете сдавать работу и быть свободны.

Выйдя из института, Санин хоть и с некоторым облегчением, хотя и неполным (в подобных ситуациях сомнения мучают всегда) направился в общежитие, чтобы, дождавшись своих друзей, подвести некоторые предварительные итоги.

– Вроде, все решил, – поделился с ним Колосов, который пришел почти сразу после него.

– А я даже не знаю, правильно ли? – выразил сомнения появившийся следом Илья.

Кавказцы пришли вместе, и пытались себя успокоить, что на тройку хотя бы справились, надеясь на низкий проходной бал. Только Сергей пришел убитый, предположив, что «банан» ему обеспечен. Его тут же начали все убеждать, что еще неизвестно, но он все равно оставался мрачнее тучи и даже попытался понемногу собирать вещи.

– А когда будет известен результат? – поинтересовался Санин.

– Сказали, что завтра-послезавтра, ведь следующий экзамен уже через три дня, – пояснил всезнающий Жора.

Через день с замиранием сердца все абитуриенты столпились в холле института, чтобы узнать свои оценки, но пробиться к спискам и быстро найти свою фамилию удавалось не каждому. В этой разношерстной толпе, где однозначно количество девушек намного превышало количество парней, каких только эмоций можно было не услышать! Здесь тебя могли оглушить и радостным визгом, и громким хлопаньем в ладоши, и отчаянным воплем, выражающим толи радость, толи отчаяние и даже услышать матерную брань. Пронырливый Жора и здесь, улы-

баясь и раздавая дамам комплименты, смог пробиться вперед и посмотреть результаты всех знакомых, включая девушек.

– Ну, что? – в нетерпении набросились на него все обитатели комнаты №8 и некоторые их гости.

Судя по довольной физиономии, у самого Жоры результат был успешным.

– Четверка! – сразу же он его озвучил на зависть остальным. – Диктую далее: Виген и Саня Колосов – четверки, Гиа, Олег и Илюша – тройки, Боря и Сережа, увы – пары.

– А я? – пропуская мимо ушей оценки друзей, как это всегда случается в такой ответственный момент, пока сам находишься в неизвестности, потребовал отчета Санин.

– Артем, естественно, пятерка! А кто сомневался? Про девушек скажу сразу – все прошли, а конкретно буду озвучивать лично. За каждый бал – поцелуй!

Несмотря на полученную информацию, друзья не спешили расходиться – всем хотелось лично убедиться в своих результатах, что и сделали, когда толпа рассосалась. Особенно волновались Боря с Сергеем, боясь, что Жора мог ошибиться, да и остальным хотелось увидеть воочию свои оценки на официальном стенде. Когда же успешно сдавшие наконец-то получили долгожданное подтверждение, то дружно начали успокаивать товарищей, которым не повезло.

– Ничего, – пытался найти им утешение неунывающий Жора, – на следующий год, надеюсь, снова увидимся и порадуемся за вас.

На втором экзамене по математике, устном, необходимо было решить три задачи. Для Санина они сначала показались несложными, но на второй почему-то осекся, так как не смог разобраться сходу. Решив третью, он снова вернулся к ней, но безуспешно. «В чем же тут дело? – никак не мог понять, – вроде, все просто, а не получается... Такое впечатление, что ее вообще невозможно решить!» Его очередь идти к экзаменатору неминуемо приближалась, и, когда она наступила, он впал в настоящее отчаяние, но тут в последний момент заметил: «Так и есть – опечатка. В условии забыли поставить над одним из неизвестных квадрат!» При его наличии уравнение сразу бы обретало смысл.

– Следующий! – услышал он вызов экзаменатора и уверенно направился к столу.

– Ну-с, молодой человек, – по-старомодному обратился к нему преподаватель, – каковы успехи?

– Я не успел решить вторую задачу, – поспешил оправдаться Санин, – но это не моя вина...

– А остальные?

– Вот, пожалуйста, смотрите: косинус x равен...

– Вижу, вижу, – соглашался экзаменатор, – все верно. И в третьей все сходится. А в чем же проблема со второй задачей?

– Видите ли, – волновался Артем, – в условии задачи вкралась опечатка. Если бы...

– Если бы, да кабы... – раздраженно перебил преподаватель. – Этого не может быть!

– Посмотрите сами, – не сдавался Артем, – если...

– Только не нужно фантазировать, молодой человек! – снова перебил его математик, и тут Санин увидел, что экзаменатор уже пишет ему в ведомость «удовл.»

Обычно тяжело переживая обиды, Санин призвал все свое самообладание и спокойно предложил, что в данной ситуации приравнивалось скорее к наглости:

– Хорошо, попробуйте вы решить это уравнение.

– Я? – удивился преподаватель.

– Мне это интересно хотя бы на будущее, – решил хоть немного сгладить обстановку Артем, – я довольно любознательный человек, особенно в математике.

– Хорошо, – сдался преподаватель, – это похвально в какой-то степени... Итак, берем корень квадратный из...

В течение десяти минут профессор (скорее всего он таковым и являлся, судя по возрасту и классическому внешнему виду) в буквальном смысле «пыхтел» над задачей, испортил целый лист бумаги своим крупным корявым почерком, но сдаваться не собирался, действительно не понимая, почему не может ее решить. Не желая далее его мучить, а скорее боясь разозлить, Санин решил «помочь»:

– Видите, а вот если бы этот икс был в квадрате, то уравнение решалось бы так, так и так...

– Возможно, – поняв, что попал в трудную ситуацию, но, не желая, видимо, терять авторитет, с явной досадой в голосе отмахнулся профессор. – Но здесь не место для дебатов. Поздравляю вас со сдачей очередного экзамена, и можете быть свободны.

«Эх, – в сердцах подумал Санин, – знал бы ты, баран, как важно мне сейчас получить хотя бы четверку!»

Выйдя из аудитории крайне расстроенным, что всего минуту назад вопрос о его поступлении в институт был бы окончательно решен, Санин последними словами проклинал упертого преподавателя. Он готов был заплакать от несправедливости по отношению к себе, и только многими годами позже понял, как тяжело бывает иногда в такой сложной ситуации, будучи авторитетным и заслуженным человеком, публично признавать свои ошибки. Скорее всего, преподаватель мог исправить оценку в ведомости, но кто знает, как это отразилось бы на его репутации экзаменатора? Да, он растерялся, смалодушничал, но, возможно, не придал этому большого значения потому, что не знал о том, что Санин шел «по эксперименту» и рассудил, что такой старательный мальчик поступит в любом случае. Со временем Артем забыл эту обиду, как и многие другие, коих по жизни мы получаем в достатке, зато сам всю жизнь старался признавать свои ошибки даже в мелочах, если, конечно, замечал их. С этим преподавателем в институте он больше не сталкивался, зато от других студентов слышал, что его очень уважали и любили, и вообще он слыл достойным человеком, что, естественно, ускорило процесс мысленного примирения.

Физику Санин сдал на четверку и с определенным облегчением ожидал последнего экзамена – сочинения, которое, судя по распространяемым сведениям о проходном бале, достаточно было написать на тройку. Ходили слухи, что в этом вузе выше тройки за сочинение никому и не ставили, так как технари априори не могут хорошо и грамотно писать, но и «валить» их на этом считалось дурным тоном.

Как обычно, из трех тем две оказались по классическим школьным произведениям, а третья на свободную. Санин сразу понял, что классику он вряд ли осилит, так как «Войну и мир» Л.Н. Толстого знал поверхностно, а «Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского и вовсе не читал. Зато о «Подвиге советского народа в Великой Отечественной войне», как звучала третья, мог рассуждать бесконечно. Этот период истории он перелопатил вдоль и поперек за время своего детства, отрочества и юности, прочитав все доступные художественные произведения, как классические, так и не считающиеся таковыми. Он слышал, что, как только экзамен начался, многие абитуриенты зашуршали заранее заготовленными многочисленными «шпорами», подбирая нужные, ему же предстояло раскрыть свободную тему практически самостоятельно.

«О чем писать? – на минуту задумался он, – без должного пафоса данную тематику, конечно, не раскрыть – это понятно. И просто историческими фактами не отделаться, даже если преподнести их красиво». И тут родилась гениальная мысль – раскрыть тему на основе двух-трех классических произведений о войне, желательно самых известных, самых уважаемых и известных авторов. При том тех, которых он многократно перечитывал и знал наизусть. Первая это, конечно, «Горячий снег» Юрия Бондарева, а вторая – «Малая Земля» Георгия Соколова. Соколов, конечно, не так известен, как, впрочем, и его книга, которую он выпросил

купить у мамы классе в четвертом, когда они, отдыхая в санатории в г. Анапа, посетили на экскурсии Малую землю. И не пожалел – раза три перечитал и несколько лет ходил под впечатлением героического подвига морских пехотинцев, удерживающих небольшой плацдарм в 1943 году на берегу Цемесской бухты. Об этом позже и Л.И. Брежнев писал, который тоже... «Стоп! Берем пафос «Малой земли» Брежнева «...горела земля, плавился металл...», яркие описания тех же событий Соколова, дополняем примерами героизма стоящих насмерть солдат классика Бондарева и посмотрим, у какого проверяющего поднимется рука поставить двойку за сочинение, замешанное на произведениях самого генсека и почитаемого классика!»

– Ну, кто что списывал? – вечером после экзамена, как обычно, делились впечатлениями абитуриенты комнаты №8.

– У меня «Война и мир» в закромах нашлась, – похвастался Саша Колосов, – да и Достоевский был, но не совсем по теме.

– А у меня как раз Достоевский в точности совпал, – поделился Олег.

– А ты Артем, что надывбал?

– А ничего. Не было шпаргалок. На свободную писал.

В комнате воцарилась мертвая тишина.

– Ты с ума сошел что ли, старик? – наконец нарушил молчание Жора.

– А что? Вроде, неплохо написал...

– Да кто его читать будет?! Им главное, чтобы ошибок не было! Ты меня просто убил! И это на последнем экзамене... Не мог что ли у кого-нибудь шпору попросить? Почему вчера не сказал? Мы бы что-нибудь придумали.

– Ты действительно так думаешь? – испугался и вправду Санин.

– Конечно! Не ожидал от тебя такой промашки, честное слово. Вроде, неглупый парень, и так в конце накосячить...

Судя по глазам, все обитатели комнаты были с Жорой солидарны, отчего Санин и вовсе расстроился.

– Но я, вроде, тщательно ошибки проверил. Не должно...

– Четырех для двойки достаточно, – подлил масла в огонь и Виген, – впрочем, не бери в голову – что произошло, уже не исправить. В конце концов, конкурс уже на единицу вышел – могут и не заметить твоих ошибок. Или сами аккуратно исправят. С твоими баллами да аттестатом и тройки выше крыши хватит. Не волнуйся зря – через пару дней все прояснится.

Но Санин уже не мог успокоиться. В ту ночь он даже заснул только под утро. Да еще, как назло, результаты сочинений долго не вывешивали, а когда, наконец, это случилось, не пошел смотреть, доверившись всеведущему Жоре. Впрочем, также поступили и остальные, но только по причине уверенности в удовлетворительном результате.

– Ну, что? – набросились все с расспросами, когда он вернулся.

– Тройки всем!

– И мне? – обрадовался Санин.

– Тебе четверка, – потупился Жора, – а еще больше всех боялся, засранец!

10. Модный приговор в стиле семидесятых

Весть об успешном поступлении Артема в институт семья Брагиных встретила небывалым ликованием. Олег сразу же побежал в магазин за бутылкой, но пить ему пришлось самостоятельно, так как Санин наотрез отказался, будучи и без того пьяным от счастья.

– Я, пожалуй, домой съезжу на оставшуюся неделю до занятий, – сообщил он свое решение.

– Езжай, конечно, – поддержала сестра, – порадуй родителей, отдохни. Поезд хоть и вечером, но о билете нужно с утра позаботиться, с этим у нас проблемы.

К счастью, билет на Белгородский поезд, отстояв небольшую очередь, взять удалось, хотя и в общий вагон.

– Ничего, ты еще молодой, – успокоила Вера, – забьешься на третью полку и спи. Если что, автобус ходит Москва-Харьков мимо Миловежска. Обрато на нем постарайся – не нужно будет лишних пересадок делать. Кстати, ты теперь, вроде как, москвич, а одет, словно из глухой деревни. Неужели в таком виде собираешься на родине показаться? Не мешало бы прибраться. Кроссовки, джинсы приличные, батничек модный.

– Да, но за какие средства? Одни джинсы только рублей на сто восемьдесят потянут!

– Ладно, это я беру на себя, тем более что кое-какие мысли имеются. Про магазин «Березка» слышал?

– Нет.

– Там все есть и в разы дешевле. Только не за рубли продается, а за специальные чеки.

– Что за чеки такие? У тебя они есть?

– Они у тех, кто в загранику ходит. Но купить можно по курсу один к двум. Джинсы приличные в «Березке» рублей пятьдесят стоят, то есть нам в сто обойдутся, а остальное и того дешевле. У нас в конторе Эмма Эдуардовна работает, а у нее брат торговый представитель в Индии. Я у нее не раз брала. Если сейчас есть в наличии, то вопрос решим, думаю. Поехали на работу!

Эмма Эдуардовна, та, что когда-то отвечала на звонок, оказалась приятной улыбчивой женщиной лет сорока с округлыми в меру формами, которая хватким адвокатским взглядом вмиг оценила Артема, после чего искренне поздравила с поступлением.

– А я Верочку уже не раз просила, чтобы брат хоть раз когда к нам зашел, может, помощь какая нужна. Как вы похожи – одно лицо! И такой же стройный, красивый! Ну, не стоит, право, краснеть – мы тут все свои.

– Помощь нужна, Эмма Эдуардовна, – тут же поймала ее на слове сестра, – брат в институт поступил, в Москве жить будет, не мешало бы приодеться приличнее.

– Это несомненно, – закивала головой Эмма Эдуардовна, – нельзя ему среди однокурсников таким колхозником выглядеть! Тем более, такой хороший мальчик. Заслужил!

– Я вот и хотела в связи с этим спросить, чеки у вас еще остались?

– Для такого случая найдем, – обнадежила дама, – как срочно нужно?

– Он сегодня домой уезжает, я и подумала, пусть в родной город настоящим студентом вернется! У нас городок маленький, каждый у всех на виду – обсуждать будут, оценивать. Родители не последние люди. Чтобы не стыдно было.

– Ну, раз такое дело – на обед домой съезжу. Привезу. Сколько нужно?

– В сотню должны уложиться, думаю.

– Привезу больше, если что, лишнее вернете.

– Ой, спасибочки, Эммочка Эдуардовна! Курс тот же?

– Само собой. Что я, крохобор что ли? Только как скупитесь, показаться не забудь зайти! Посмотрю, как мальчик преобразится.

Магазин «Березка» находился всего в трех остановках от адвокатской конторы, поэтому времени на то, чтобы Санину «преобразиться» вполне хватало. По дороге сестра предупредила:

– Может такое случиться, что на входе или в магазине какой-нибудь серьезный «дядечка» в костюме спросит, откуда чеки. Нужно говорить, что наш отец моряк торгового флота. А про Эмму Эдуардовну забудь! Понял?

Артем сказал, что понял, но в душу закралось волнение. Он впервые в жизни почувствовал, что делает что-то незаконное.

– Да не бойся! – успокоила его сестра, видя, как он переменялся в лице, – я сколько раз уже скупалась в этой «Березке» – и без всяких приключений.

И действительно, ничего страшного с ними не произошло, только чтобы пройти в магазин, проверили наличие валюты. Зато в торговом зале у Санина просто разбежались глаза от разнообразия товаров. Чего здесь только не было, в то время как цены поражали своей вменяемостью. Прежде чем определиться, ему пришлось перемерить с десяток джинсов, кроссовок, а рубашки уже так примелькались, что он полностью положился в выборе на сестру. На оставшиеся деньги Вера купила себе какую-то модную дамскую сумочку (зря, что ли ходила!), после чего они благополучно вернулись в контору, чтобы и Эмма Эдуардовна смогла по достоинству оценить обновки.

– Ну, жених хоть куда! – долго восхищалась она. – Умереть – не встать!

В этот момент на шум в комнату из другого кабинета осторожно вышел небольшого роста сухопарый старичок и с удивлением уставился на Санина.

– Это брат мой, Алексей Никифорович, – поспешила представить Артема сестра, повышая голос почти до крика, – из Миловежска приехал в институт поступать.

– Это хорошо, – очень внимательным взглядом посмотрел старичок, из-под густых бровей, – родной брат?

– Родной, я же рассказывала.

– Ну, и как, поступил?

– Поступил, Алексей Никифорович!

– В юридический?

– Нет, в технологический.

– Это хорошо, – одобрительно кивнул старик и также бесшумно скрылся за дверью.

– Наш босс, – пояснила Эмма Эдуардовна, – руководитель адвокатской конторы.

– Между прочим, – поспешила дополнить сестра, – у самого Владимира Ильича Ленина телохранителем был! Видишь, каких заслуженных людей можно запросто в Москве встретить!

До Курска Санин доехал без приключений, сразу же застолбив по совету сестры третью полку, хотя в общем вагоне и было несколько душновато от большого количества пассажиров, но он так намучился за день, бегая по Москве, что практически сразу провалился в сон. Минут за двадцать до Курска его растормошил попутчик, после чего Артем сразу же направился на автостанцию, с которой ходили автобусы до Миловежска. Обычно они набивались до предела местными сельскими жителями, которые к тому же умудрялись тащить с собой поклажу, порой превышающую вес человеческого тела, но, в общем-то, час можно было и потерпеть, особенно когда ты возвращаешься в родной город победителем, и потому в прекрасном настроении.

Редко до этого покидающий родной город, проходя по цветущим улицам, Артем вдруг почувствовал к нему такую любовь и ностальгию, что к радостному настроению плавно добавилось и лирическое. Он даже по своему обыкновению начал что-то сочинять на тему тоски по малой родине, но мысли необычным образом сначала роились, потом путались, поэтому Санин решил отложить это важное дело на потом, когда многочисленные впечатления сой-

дуться в одну точку, тем более, что ощущать подобный подъем души, как он теперь понимал, придется не раз.

Когда отгремели фанфары по поводу приезда, мимо внимания родителей не прошел и его новый прикид, который у отца вызвал неожиданную реакцию. Осмотрев Артема, он вполне серьезно воскликнул:

– Мать, беги срочно в магазин! Сыночку поизносился в Москве – приехал в потертых штанах и спортивной обуви! Как на улицу выйти? Купи ему срочно новые брюки и туфли.

С большим трудом удалось убедить родителей, что, напротив, он вполне прилично и модно одет по московским меркам, и что современная мода, зарождающаяся, как правило, в столице, далеко не сразу доходит до глубинки, а чаще приходит только тогда, когда в Москве она уже кардинально поменялась. Как, например, с длинными волосами у парней, которые в столице уже начинали «облетать», а в провинции еще долго отращивались.

После вкусного и такого до боли родного завтрака, состоящего из вареной картошки, салата из таких же домашних огурцов и помидоров, обильно сдобренных чесночком, Санин, естественно, решил прогуляться по друзьям, которых не видел больше месяца, тем более что некоторые из них также разъехались по большим городам с целью поступления в высшие учебные заведения. Класс его считался на редкость «сильным» – одних золотых медалистов пятеро! И, главное – заслуженно! Уже тот факт, что, подававший большие надежды и тянувшийся из всех сил к учебе Санин, так и не смог преодолеть эту планку, говорило о многом.

Первым, кого он решил навестить, старый друг детства и одноклассник Егор Никоненко, который точно должен был находиться дома, так как поступать никуда не планировал, решив навсегда остаться жить в родном городе. Обстоятельства складывались таким образом, что его мама, рано овдовев, осталась с двумя несовершеннолетними девочками, и Егор, как старший мужчина в семье, теперь должен был ее обеспечивать. По характеру и своим внутренним убеждениям он, несомненно, годился на эту роль, будучи на редкость сознательным и работающим парнем. Именно поэтому Санин сумел застать его дома за слесарными работами – как обычно Егор что-то латал, мастерил или занимался огородом, который в немалой степени кормил семью. От родителей Санин уже успел также узнать, что Никоненко пошел работать стажером слесаря в городскую газовую службу, что, в общем-то, сулило в будущем постоянную работу и стабильный заработок.

– Слышал, что ты поступил, – сразу же поздравил Егор Санина, после того, как они тепло поздоровались.

– И мне уже о тебе доложить успели, – кивнул Артем, – в Миловежске всё о всех знают, не успеешь чихнуть!

– Это точно, – согласился Егор, – давно приехал?

– Сегодня. А про наших что слышно?

– В основном, все в Курский «пед» или «сельхоз» подались, только Иван Соловьев, наш самый талантливый отличник в какое-то московское космическое училище поступил, забыл, как называется...

– Бауманское?

– Что-то вроде того.

– А Федя в медицинский поступил, не знаешь?

Федор Редченко, третий член ближайшего окружения Санина и Никоненко с раннего детства мечтал стать врачом, не раз шокируя друзей неприятными опытами по вскрытию улиток и даже лягушек. К сожалению, он сам имел серьезную врожденную болезнь почек, часто лежал в больницах, и потому вынужден был подолгу отсутствовать в школе, что не могло не сказаться отрицательно на его успеваемости, однако, имея завидное упорство, обладая редким интеллектом и цепкой памятью, наверняка имел шансы на реализацию своей заветной мечты.

- Поступил, вроде. В Курский «мед»¹³. Должен со дня на день тоже приехать.
 - Молодец! – порадовался Санин.
 - А я годик поработаю, потом в армию. Тебе не грозит пока?
 - После института на полтора года. Жаль, что военной кафедры нет, как в других вузах.
- Да оно и понятно – женский институт...

Федор приехал в Миловежск через день. Как и Артем, он привез множество новых впечатлений из областного центра, которыми они спешили поделиться. До начала занятий успели сходить на рыбалку, посетить местный пляж и танцплощадку, но в основном предпочитали просто гулять по вечерним улицам и предаваться мечтам о светлом будущем.

– Случайно не влюбился в какую-нибудь девчонку в Москве? – как-то поинтересовался Редченко.

- Рановато еще влюбляться, – покраснел Артем.
- Знаешь, а мне хочется поскорее жениться, иметь детей, – честно признался Федор.
- Ты это серьезно? И уже кого-то приметил на роль супруги?
- Нет, просто есть такая мечта.
- Дело нехитрое, – попытался съязвить Артем, но тут же осекся, боясь обидеть друга, – хотя, конечно, от этого рано или поздно никуда не деться.
- А мне, понимаешь, побыстрее хочется. Чтобы мы жили дружно и любили друг друга, а вечерами после работы пили чай и делились друг с другом новостями и простыми житейскими радостями. Ты бы с Егором в гости к нам приходил, а еще лучше со своими семьями. Разве не в этом счастье?
- Может быть, – уклончиво согласился Артем, – но для начала надо бы институты окончить, в жизни определиться.
- Это само собой. Но жениться нужно обязательно по большой любви, согласен?
- А как же иначе? – искренне согласился Санин.

¹³ Подразумевается медицинский институт.

11. Каверин, Мельников, Панков, Ермаков, Уколов и другие

Механико-радиотехнический факультет, на который поступил Санин и его новые друзья, состоял из трех специальностей: машины и аппараты легкой промышленности, где обучаемых принято было называть «механиками», радиотехника – соответственно, «радисты» и технология деревообработки – попросту, «деревяшки». Это был единственный факультет вуза, где почти половину составляли юноши. На других же факультетах, где обучали бухгалтеров, экономистов, химиков, швейников и даже художников, полностью превалировали девушки, поэтому институт и считался по праву «женским».

Группа механиков, куда попал Артем, насчитывала двадцать четыре человека, примерно половину из которых составляли девушки. Когда их впервые собрали вместе, в аудиторию зашел ранее незнакомый преподаватель, представившийся куратором, и предложил тут же выбрать старосту, комсорга и профсоюзного лидера. Учитывая, что первокурсники еще не успели перезнакомиться, этот вопрос вызвал некоторое замешательство и растерянность, но куратор был неумолим, объяснив, что без этого группа приступить к занятиям не сможет. Пришлось «верхушку» выбирать наобум, опираясь исключительно на внешний вид первокурсников – кто выглядел солиднее, тому и карты в руки.

Хитрые девчонки как-то сразу устранились от лишней нагрузки, предполагающей сомнительную власть, а на самом деле ненужную никому ответственность переложить на сильные мужские плечи, поэтому первой жертвой, а именно старостой группы ими был безапелляционно выдвинут Каверин Андрей обладающий не только солидной фигурой, но и одетый в честь первого учебного дня в безупречный строгий костюм. Все его несмелые попытки самоустраниться не возымели действия, так как мнение девчонок тут же единогласно поддержала и вся мужская половина группы, боясь нежданно-негаданно оказаться на его месте.

Выборы комсомольского лидера затянулись надолго, так как второго студента обладающего солидной внешностью и одетого сообразно момента не наблюдалось. Пытаясь как-то ускорить процесс, куратор начал запоздало объяснять, что кроме общественной работы руководящая троика имеет право рассчитывать и на определенные льготы, к примеру, получения стипендии при сдаче сессии даже на тройки, в то время как обычные студенты для этого должны были иметь оценки не ниже четверки. В то же время ими должны быть очень ответственные и всеми уважаемые люди, всегда готовые прийти на помощь товарищу, поддержать в трудную минуту и т.п.

– Неужели среди вас нет ни одного такого? – лукаво удивлялся куратор.

– Есть! По крайней мере, одного я знаю точно, – раздался уверенный голос с задней парты, принадлежащий усатому круглолицему парню, в котором Санин узнал соседа по столу, которому помог на экзамене по математике.

– Ну, предлагайте! – тут же зацепился преподаватель.

– А вот он! – указал рукой в сторону Артема парень, так как не знал ни имени, ни фамилии предлагаемой кандидатуры.

Не успел Санин хоть как-то возразить, как тут же единогласно был избран комсомольским лидером.

С выборами профорга все решилось гораздо проще.

– Иван, – обратился Каверин к соседу по столу, – придется тебе разделить бремя общественной нагрузки с другом, иначе мы никогда не покончим с этим вопросом.

И Иван согласился.

Перед уходом куратор объяснил, что занятий сегодня уже не будет, а студентам, которые нуждаются в общежитии, необходимо пройти в профсоюзный комитет для написания соответствующего заявления. У обозначенного кабинета скопилась весьма солидная очередь, в которой, собственно, студенты группы и познакомились поближе. Каверин Андрей и его друг Сорокин Иван, а также еще двое студентов Панков Борис и Карпов Юрий оказались из одного старинного подмосковного города Загорска¹⁴, который располагался на той же железнодорожной ветке, что и станция Масловская в двух часах езды на электричке. Еще один чернявый высокий худощавый парень в очках Ермаков Аркадий приехал из столицы Эстонии Таллина, а тот, который выдвинул Санина в комсомольские вожак Мельников Сергей и вовсе оказался местным из поселка Масловка.

– Что же ты меня так подставляешь? – беззлобно упрекнул его Артем, когда он протянул руку для знакомства.

– Ты мне, может, потом еще спасибо скажешь, – серьезно ответил Сергей, – слышал про стипендию? Я тут всю жизнь живу, многих студентов знавал. Редко кто без троек учится.

Как оказалось, Олег решил вопрос с общежитием еще неделю назад через своих земляков-старшекурсников, которые взяли жить его к себе, Колосов не нуждался потому, что до Мытищ было всего три остановки в сторону Москвы, Сорокин, Карпов и Панков решили пожить пока дома, в итоге нуждающимися оставались только трое: Каверин, Ермаков и Санин.

– Комнаты в общежитии нашего факультета четырехместные, – пояснил всезнающий Мельников, – нужно постараться, чтобы вы вместе попали, а мы будем к вам в гости ходить.

Просьбу студентов в профкоме удовлетворили, и в тот же день они вселились в пятиэтажное общежитие механико-радиотехнического факультета в комнату № 425 на четвертом этаже. Комната представляла собой обычное прямоугольное помещение площадью около двадцати квадратных метров, в которой находились четыре кровати, столько же тумбочек, пара платяных шкафов, разделяющих как бы прихожую и что-то вроде столовой со столом и четырьмя стульями. Кухня и туалеты были общими по два на этаж, а в длинных коридорах располагалось примерно до тридцати комнат. Первые три этажа занимали девушки, а два верхних – ребята. На территории студгородка находилось еще три общежития, в двух из которых (десятиэтажных «свечках» секционного типа) проживали студентки других факультетов, а одно трехэтажное – считалось семейным. Почти все девушки группы разместились на втором этаже здания, и ближе к вечеру ребята поспешили их навестить. Они собрались в одной из комнат, чтобы пообщаться и поближе познакомиться, пили чай с тортом, рассказывали о местах, из которых приехали, обсуждали поступление и предстоящую учебу. Среди студентов группы, как и следовало ожидать, сразу же сложились теплые отношения, переросшие со временем в крепкую дружбу. Вечером ребята пошли провожать на электричку тех, кто оставался жить дома, а на обратном пути Мельников показал свое частное домовладение, предлагая заходить в гости в любое удобное время, чем впоследствии студенты неоднократно и пользовались. Но чаще сам Сергей пропадал в комнате № 425, как, впрочем, и все «домашние» студенты группы, которые, как правило, уже в восемь часов утра собирались в вышеупомянутой комнате, складывали лишние вещи и вместе шли на занятия, после которых вновь собирались там же.

Несмотря на то, что по внешнему виду и по характеру все они кардинально отличались друг от друга, им нравилось проводить время вместе, особенно вечерами. При этом иногда они ходили в гости к девчонкам группы, иногда немного выпивали, но в основном, легкие спиртные напитки, хотя, забегая вперед, следует заметить, что ближе к старшим курсам эта дурная привычка постепенно перерастала в пагубную, хотя у большинства до крайности, к счастью, не доросла.

¹⁴ Ныне Сергиев Посад.

Кратко характеризуя друзей, следует отметить, что внешне солидный отчасти из-за полноватой фигуры Каверин Андрей действительно более всех проживающих в комнате № 425 студентов отличался рассудительностью, склонностью к порядку и, несомненно, годился на роль как формального, так и действительного лидера. К его суждениям по любому поводу друзья прислушивались, и чаще всего решения принимались без обсуждения. Казалось, для него не составляло труда найти выход из любой затруднительной ситуации, будь то хоть в учебе или в быту. Разумная практичность при этом уживалась с весьма романтической натурой – Андрей неплохо играл на гитаре и чувственным голосом любил исполнять лирические песни, в основном из репертуара знаменитых бардов, таких как Суханов, Визбор, Городницкий. «Машина времени», как и у многих молодых людей того времени, была также его любимой группой, многие песни которой он мастерски исполнял. На студенческих посиделках они с Саниным, предпочитающим свой репертуар, неплохо друг друга дополняли. Как и Артем, Андрей неплохо закончил школу и, довольно легко поступив в институт, старался изо всех сил и здесь оставаться примером в успеваемости. Правда, со временем соблазны самостоятельной жизни ему мешали сосредоточиться только на учебе, поэтому отличника из него не получилось в отличие от Ермакова Аркадия, который хоть и имел троечный аттестат, с первых дней выделился среди однокурсников отличными оценками.

Ермаков Аркадий, как ранее уже упоминалось, житель столицы Эстонии, хотя и числился по паспорту русским, имел ярко выраженную еврейскую внешность. Высокий, худощавый черноволосый и курчавый очкарик, которого редко можно было увидеть за учебниками, тем не менее, блистал буквально на всех семинарах отличными знаниями, удивляя не так преподавателей, которые быстро к этому привыкли, как своих однокурсников. Уж кто-кто, а они воочию наблюдали каждый день, чем он предпочитал заниматься вместо учебы! Впрочем, увлечения его были не так уж и зазорны с точки зрения будущего специалиста – Аркадий очень любил прикладную радиотехнику, поэтому большую часть свободного времени проводил за разбором и потрошением всевозможной телерадиоаппаратуры, попадающей ему в руки. Где он приобретал это старье, по сей день остается загадкой, возможно, собирал некондицию по всему обществу, но то, что порой стол, полностью заваленный радиодеталями, воспроизводил музыку и даже показывал изображение, являлось неоспоримым фактом.

– Почему же ты на радиотехнику не поступал? – удивлялись ребята.

– Там конкурс большой, – резонно отвечал Ермаков, – мог не пройти по баллам со своим аттестатом.

– Отчего же у тебя бал такой низкий? – еще больше удивлялись друзья. – Ты же вундеркинд по всем предметам!

– К сожалению, не по всем – к языкам я неспособный... А у нас в Эстонии, не зная языка, далеко не продвинешься. Я хоть и родился и вырос в Таллине, но больше двух фраз на эстонском так и не смог выучить.

– И что за фразы?

– Дайте мне бутылку ликера «Старый Таллин» и пачку сигарет «Таллин», – то ли шутя, то ли серьезно отбивался Аркадий.

Сам Ермаков, в отличие от остальных ребят, не курил, хотя из каждой поездки домой привозил на подарки довольно приличные сигареты указанной выше марки и обязательно бутылку ликера, которая сначала долго хранилась «до особого случая», словно реликвия, но однажды совершенно неожиданно и глупо опустошалась на самой банальной пьянке, когда было просто лень бежать в магазин. Так что по поводу языков он не врал, и это вскоре подтвердилось на занятиях по немецкому, где Ермаков действительно показал себя полным бездарем.

Следует также отметить, что Аркадий по всем признакам являлся сыном небедных родителей: одевался с иголочки в дорогие и модные вещи, почти всегда у него водились деньги, постоянно привозил из дома невиданную импортную технику – магнитолы, портативные маг-

нитофоны и телевизоры, которые по истечению определенного периода времени выгодно продавал. Кроме этого с каждой поездки он мог привезти на продажу пару очень дорогих настоящих фирменных джинсов, которые реализовывать не спешил, дожидаясь возможных финансовых затруднений. «У меня отец моряк, – пояснял он студентам, – в «загранку» ходит».

До самой середины октября в институте находились только студенты первого курса – остальные же по велению времени и комсомольской совести занимались сельскохозяйственными работами в одном из совхозов Московской области с поэтическим названием «Хрустальная заводь». Именно по этой причине первокурсники не сразу смогли познакомиться с четвертым обитателем комнаты, который учился на втором курсе и родом был из того же подмосковного города Загорска, что и Каверин, но знакомы они не были. Им оказался Уколов Володя, простой добродушный, хотя и уже умудренный некоторым житейским опытом, парень, который все четыре последующих года совместного проживания многому научил более молодых товарищей, в частности, как сдать тот или иной экзамен, используя минимальные умственные резервы, и как вообще сделать студенческую жизнь более комфортной и легкой.

Появился он неожиданно в один из поздних октябрьских вечеров, когда всех студентов доставили из совхоза на многочисленных автобусах, пыльный и усталый с мешком картошки на плечах.

– Это нам на ближайшее время, так сказать, на пропитание, – не скрывая довольной улыбки, пояснил он, сбрасывая мешок в угол, после чего в бессилии упав на кровать, протянул руку для знакомства, которую первокурсники поспешили почтительно пожать, представившись по именам. – Сегодня домой рвану, помыться, побриться надо, а завтра вечером посидим, как водится...

На следующий день, как и обещал, Володя приехал с целой сумкой домашних продуктов, бесцеремонно сгреб на край стола груды радиодеталей, выставил соленья и мясные деликатесы, после чего деловито поинтересовался:

– Картошку кто сегодня жарить будет?

После того, как первокурсники честно признались, что до этого питались либо в столовой, либо консервами, Володя снисходительно согласился сделать это на первый раз самостоятельно, но в присутствии всего коллектива, решив сразу же преподать столь необходимый кулинарный урок, ибо в условиях общежития картофель являлся основной едой.

– Со следующей осени вы тоже начнете ездить в совхоз, и у нас уже будет не один, а четыре мешка халявной картошки, – пояснил он, – по одному на брата разрешается брать. И это, поверьте, немалое подспорье. Со столовскими ценами и на комбижире, который там очень уважают, долго не протянуть, а потому учитесь, пока я жив. Тем более, что соленья всякие, надеюсь, у нас будут водиться всегда. Вы же не с пустыми руками из дома приезжаете?

После того, как сытное и незаменимое блюдо было готово, кто-то из ребят предложил сбегать за бутылкой, чтобы еще более скрасить торжественный ужин, но Уколов и здесь проявил чрезмерную предусмотрительность, достав из сумки довольно внушительную емкость не совсем прозрачного цвета.

– Свойский, – гордо пояснил он, – батя занимается. Выпьем, так сказать, за знакомство...

Во время ужина Володя поспешил сразу же раскрыть еще несколько секретов комфортного общежитского существования, в частности, как не умереть с голоду:

– Обратили внимание, сколько вокруг женских общежитий? И, заметьте, почти в каждой комнате нас с распростертыми объятиями ожидают прекрасные дивы, у которых быт в части нормального питания налажен на высшем уровне. И они всегда готовы поделиться своим ужином даже за каплю мужского внимания. А чтобы не прослыть халящиками, нам достаточно иметь с собою одну-две емкости либо вина, либо водки, реже – коньяка, в зависимости от контингента и характера отношений. Чем крепче и продолжительней дружба, тем беднее стол, сами понимаете, поэтому пользоваться чрезмерным гостеприимством у одних и тех же

девушек не рекомендую, если, конечно, это не настоящее чувство, которое непременно начнет вскоре негативно сказываться на ваших финансовых затратах. Так что лучше иметь подружек побольше, но посещать пореже, и, соответственно, менять компании почаще. Вы еще не обзавелись подобными?

– Мы дружим с девчонками нашей группы, которые здесь и проживают, – пояснил Аркадий.

– Это не вариант, – категорично возразил Володя, – девушки нашего факультета и так избалованы вниманием. Нужно подружиться со швейниками или экономистами – это просто не паханое поле! Живут одни в десятиэтажках словно в женской колонии без мужского внимания и ждут не дождутся, когда хоть кто-то забредет на огонек хотя бы для культурного общения. Особенно старшекурсницы одиночеством страдают. Кое с кем для начала могу познакомиться, но со временем не откажусь и от ваших протече.

В части учебы и особенно сдачи экзаменов Уколов также не скупился на полезные советы, рассказывая по каким предметам и к каким преподавателям нужно проявить больше внимания, что необходимо посещать строго, а что можно и прогулять, кто по доброте душевной относится к студентам снисходительно в части оценок, а у кого и «трояк» замучаешься получать.

– Первая сессия самая тяжелая, – охотно делился он, – с непривычки. А потом втянетесь и сами поймете, что учеба в нашем институте это не каторжный труд, а самые счастливые годы жизни, если, конечно, правильно планировать свое время и не забывать про мелкие жизненные радости, коих студенческая жизнь предполагает в достатке. Главное – не скатится в банальное пьянство и не заикливаться на учебе до умопомрачения. МИТИ не «Бауманка» – и недоучиваются здесь только полные кретины, на которых, впрочем, как я вижу, никто из нас не похож...

Таким образом, общежитская жизнь постепенно налаживалась и со временем учеба в институте уже не виделась таким страшным и ответственным делом, как могла показаться вначале.

12. Шулаков, Леонов и бассейн «Москва»

Примерно в конце октября на хлипком мостике через Клязьму, разделяющим два учебных корпуса института, именуемых старожилками «новым» и «старым», Санин неожиданно встретил Шулакова, о котором уже почти забыл.

– О, привет! – обрадовался, до этого кажущийся чрезмерно озабоченным, Юра. – А я все гадаю, куда пропал великий поэт и музыкант, любимец сентиментальных женщин? Как дела, как учеба?

– Нормально, вроде, пока, – смущенно отреагировал Артем.

– Почему не заходишь?

– Да некогда как-то было, – пытался Санин оправдаться.

– Ладно. Это хорошо, что я тебя встретил – как раз компанию составишь. Видишь ли, я тут летом в институте подражался травку косить, а сегодня денежку получил. Сейчас еще одного человечка захватим, и отметим это дело. Кстати, работает преподавателем в вашем институте. Его мама комендантом в старом корпусе, вот я через него и договорился. Идет?

Санину пришлось согласиться, хотя шел он на станцию, чтобы в очередной раз показаться сестре, что, впрочем, не мешало сделать и позже, тем более, что время было обеденное.

Шулаков привел Санина к отдельно стоящему небольшому строению возле старого корпуса, на двери которого красовалась табличка «Кафедра охраны труда», вызвал молодого крепкого парня лет двадцати семи, представил его Артему, как Леонова Сергея, после чего предложил троим пообедать в ресторане «Гамарджоба», разумеется, за свой счет. Сергей долго не соглашался, ссылаясь сначала на занятость, потом, понимая, что Юра хочет его просто таким образом отблагодарить, отнекивался («Это совсем не обязательно!»), но под напором Шулакова все-таки вынужден был сдаться.

Следует пояснить, что ресторан «Гамарджоба», на самом деле являлся уникальным заведением, и не только потому, что вопреки существующей экономической формации тех лет, был как бы частным, возможно единственным во всей московской области, но и отличался на редкость вкусной грузинской кухней при минимальных ценах. Санину тройку раз уже приходилось бывать в нем с кавказскими друзьями Олегом, Гиа, Вигеном и Жорой, дружба с которыми только крепла со временем, поэтому он успел оценить привлекательность данного заведения в части высокого сервиса и качества еды с необычно быстрыми и вежливыми официантами, кристальной чистотой и доброжелательным отношением персонала. Однажды он в ожидании заказа достал какую-то газету из дипломата, чтобы прочитать друзьям интересную статью, на что официант отреагировал весьма необычно для того времени. Тот, кто хоть раз бывал в советских ресторанах, наверняка удивится такому повороту.

– Очень вас прошу, уберите газету, – испуганно взмолился официант, – а то хозяин подумает, что я вас слишком долго обслуживаю!

Заняв один из свободных столиков возле окна, Шулаков начал неторопливо изучать меню, в то время как Сергей скорее из вежливости, чем от любопытства расспросил Артема, на каком факультете он учится, где живет и над чем бьется в настоящее время творческая мысль. С простодушием провинциала Санин подробно рассказал кто он и откуда, после чего Юра предложил опробовать хорошего грузинского вина под названием Хванчкара и отведать несколько приглянувшихся ему вкуснейших блюд, которые наверняка употреблял здесь и ранее, а именно, на первое – чанахи (густой мясной суп из баранины), на второе – сациви из кур, фирменный ресторанный безалкогольный напиток из ягод, и, конечно, знаменитый острый томатный соус, с которым по утверждению Шулакова «и подметки съешь».

Проведя не менее двух часов в ресторане, вдоволь наговорившись, наевшись, напившись и выкурив не менее двух десятков сигарет Ява, которые принято было покупать из-под полы у

пожилого швейцара-грузина с наценкой в двадцать копеек за пачку, друзья, наконец, решили, что пора расходиться. Леонов проживал в своем частном доме недалеко от института, поэтому неторопливо пешком пошел домой, а Шулаков с Саниным поспешили к платформе «Масловская», куда по характерному стуку колес приближалась электричка до Москвы, на которую они едва успели запрыгнуть.

– Как раз минут за сорок успеем обсудить наши музыкальные дела, – заняв деревянную скамейку и отдышавшись, сразу же приступил к делу Юра, – ты когда обычно от безделья страдаешь?

– Вечерами частенько, – сознался Артем, – могу иногда и после обеда, если занятий нет.

– А в Москву к сестре едешь?

– Да. Бывает, что и у нее ночую. Особенно, когда нормально поесть хочется. Ну, и так просто показаться, что жив – здоров, в общем.

– Это правильно. Я на даче по выходным обычно живу. В субботу будешь здесь или снова к сестре поедешь?

– Могу и остаться.

– Оставайся, шашлычка поджарим. Гитару захвати – выпьем, попоем.

– Не вопрос!

– А сестра в каком месте живет?

– В районе Большой Академической.

– Батюшки! Да это почти рядом со мной. Кинотеатр «Байкал» знаешь?

– Конечно. Три остановки всего...

– А я как раз возле него. Пятиэтажки видел? Одна из них моя. Да это судьба, старик! Поехали ко мне! Только бутылочку шампанского по дороге возьмем. Я вообще-то больше всего из спиртного шампанское люблю – вкусно и весело! Поехали?

– Поехали!

Шулаков проживал на пятом этаже «хрущевки» из белого кирпича почти у самого кинотеатра «Байкал», который Санин посещал во время абитуры чаще всего ввиду минимальной близости от дома. Перед тем как подняться в квартиру, друзья купили в гастрономе неподалеку бутылку шампанского, по мороженому и пачку ржанных хлебцов – за более серьезной закуской пришлось бы отстоять немалую очередь.

– Мороженое и хлебцы – самая подходящая пища для студентов, – не раз и позже утверждал Шулаков, – дешево и сытно. А, главное, всегда есть в наличии! Тем более что шампанское вообще можно не закусывать.

С трудом поднявшись на пятый этаж, так как лифты в подобных домах были не предусмотрены, в прихожей друзья столкнулись с высоким крепким мужчиной лет сорока пяти, одетым по домашнему в старые вытянутые на коленках спортивные штаны и стандартную белую майку с плечиками, которая еще больше подчеркивала его накаченную волосатую фигуру.

– Батя мой, – небрежно представил его Юра и, не утруждаясь даже назвать Санина, поспешил поставить родителя перед фактом, – мы тут с товарищем пообщаемся немного. В моей комнате.

Показавшийся на первый взгляд весьма суровым, мужчина снисходительно ухмыльнулся и бесшумно скрылся в одной из комнат.

– Это он только в последнее время стал проверять с кем я пришел, – плотно прикрыв дверь в коридор, негромко пояснил Юра, когда друзья расположились в небольшой, но уютной комнате, судя по всему, принадлежащей Шулакову-младшему, – и во всем я сам, конечно, виноват. Представь, неделю назад так набрался в одной компании, что подцепил с собой какую-то шмару и повел домой. Сильно пьяный был, потому как вздумал на руках тащить ее на пятый этаж. А в ней килограммов восемьдесят! Да в руках еще сумка с двумя бутылками шампан-

ского и закуской. Думал, пупок развяжется! Ну, и напрямик сюда, в комнату. Родаки и не поняли, что я не один. А потом выпили и стали кувыряться, как водится. И так почти до утра. Предки спустя время поняли, конечно, что происходит, но из чувства такта терпели, зато утром, когда я герлу потихоньку выпроводил, отец зашел разъяренный и давай меня последними словами, как умеет, используя нецензурную брань, поливать: «Делай что хочешь! Пей! Ес...тись! Но только не дома! Не хочу, чтобы мать это видела!» Он у меня работяга простой, крановщиком на заводе работает, но с понятием. Да я и сам понял, что перегнул палку. Одно слово – перебрал...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.